

ISSN 2409-8728 www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 01-11-2024

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Спирова Эльвира Маратовна, доктор философских наук, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 01-11-2024

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media Ltd

Main editor: Spirova El'vira Maratovna, doktor filosofskikh nauk, elvira-spirova@mail.ru

ISSN: 2409-8728

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Апресян Рубен Грантович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором этики, заведующий отделом аксиологии и философской антропологии Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в г. Оренбурге. E-mail: erlitz@yandex.ru

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук, главный редактор журнала «Личность. Культура. Общество». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Сергеев Михаил Юрьевич — доктор философии (Ph.D.), профессор, профессор-адъюнкт, Отделение либеральных искусств, Университет искусств (США). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Хренов Николай Андреевич — доктор философских наук, заместитель директора по научной работе Государственного института искусствознания Министерства культуры Российской Федерации. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Сафонов Андрей Леонидович – доктор философских наук, доцент, директор института «Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Московской области «Технологический университет»». 141070. Московская область, г. Королев, ул. Гагарина, д. 42 zumsiu@yandex.ru

Орлов Сергей Владимирович – доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, профессор кафедры истории и философии, 190000, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 67, orlov5508@rambler.ru

Фаритов Вячеслав Тависович – доктор философских наук, доцент, Ульяновский государственный технический университет, 432027, Россия, г. Ульяновск, ул. Северный Венец, 32 vfar@mail.ru

Храпов Сергей Александрович – доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение Высшего образования «Астраханский государственный университет», профессор кафедры философии, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Артеменко Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор, Харьковская государственная академия культуры, профессор кафедры менеджмента культуры и социальных технологий, 61057, Украина, г. Харьков, ул. Бурсатский спуск, 4, prof.artemenko@mail.ru

Прилуцкий Александр Михайлович – доктор философских наук, Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, профессор, 191186, Санкт-Петербург, набережная реки Мойки, д.48, alpril@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна – доктор философских наук, доцент, Костромской

государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Коротких Вячеслав Иванович – доктор философских наук, доцент, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, профессор кафедры философии, социальных наук и журналистики, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 28, shortv@yandex.ru

Беляев Игорь Александрович – доктор философских наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», профессор кафедры философии и культурологии, 460018. Оренбургская область, г. Оренбург, просп. Победы, д. 13, igorbelvaev@list.ru

Котлярова Виктория Валентиновна – доктор философских наук, профессор, Институт сферы обслуживания и предпринимательства (Шахтинский филиал) Донского государственного технического университета, 346500, Ростовская обл., г. Шахты, ул. Шевченко, 147, biktoria66@mail.ru

Красиков Владимир Иванович – доктор философских наук, главный научный сотрудник центра научных исследований Всероссийского государственного университета юстиции Министерства юстиции РФ (РПА Минюста России), 117638, г. Москва, ул. Азовская, 2, корп. 1, KrasVladIv@gmail.com

Тимощук Алексей Станиславович – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владимирского юридического института ФСИН России, 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Гончаров Виталий Викторович – доктор философских наук, исполнительный директор Юридической консалтинговой корпорации «Ассоциация независимых правозащитников», 350002, г. Краснодар, ул. Промышленная, 50, niipgergo2009@mail.ru

Смирнов Алексей Викторович – доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Чвякин Владимир Алексеевич – доктор философских наук, профессор кафедры экологической безопасности технических систем, Московский политехнический университет., 195805@mail.ru

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 7. 346428 г. Новочеркасск, Ростовская обл., ул. Просвещения 132. vodenkok@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович – доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой речевой коммуникации и издательского дела Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, Пушкинская, 150, оф. 14, alexow@mail.ru

Федоровская Наталья Александровна – доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Ирхен Ирина Игоревна – доктор культурологии, доцент, Академия русского балета им. А.Я. Вагановой, профессор кафедры философии, истории и теории искусства, заведующая аспирантурой, 191023, г. Санкт-Петербург, ул. Зодчего Росси, 2 irkhen67@gmail.com

Жиртуева Наталья Сергеевна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Политология и международные отношения», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, ул. Университетская, 33, zhr_nata@bk.ru

Даниелян Наира Владимировна – доктор философских наук, профессор Национальный исследовательский университет "МИЭТ", кафедра философии и социологии, 124575, Россия, г. Москва, Зеленоград, ул. Зеленоград, 904,

Сидоров Алексей Михайлович – кандидат философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, кафедра онтологии и теории познания, 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская наб., 7/9,

Запесоцкий Александр Сергеевич — доктор культурологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ, академик и член Президиума Российской академии образования, ректор Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, член-корреспондент Российской академии наук. Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов. 192238, Санкт-Петербург, улица Фучика, 15.

Аршинов Владимир Иванович — доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии науки и техники Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Бёрд Роберт (Bird Robert) — доктор философии, профессор Чикагского университета (США). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Гиренок Фёдор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Губман Борис Львович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и теории культуры Тверского государственного университета. Тверской государственный университет. 170100, Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33.

Делягин Михаил Геннадьевич — доктор экономических наук, профессор, директор Института проблем глобализации. Институт проблем глобализации. 125009, Россия, Москва, Газетный переулок, д. 5.

Денн Мариз (Dennes Maryse) — доктор, профессор Университета им. Монтеня Бордо-3, директор программы центра гуманитарных наук Аквитании (MSHA) и коллектива исследований славянских цивилизаций (CERCS), эксперт Министерства высшего

образования по международным научным программам (Франция). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ильинский Игорь Михайлович — доктор философских наук, профессор, ректор Московского гуманитарного университета. Московский гуманитарный университет. 111395, Россия, Москва, ул. Юности, д 5/1.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Института философии Российской академии наук, председатель Международного редакционного совета журнала «Вопросы философии». Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Миронов Владимир Васильевич — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, декан философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, философский факультет. 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, учебно-научный корпус "Шуваловский".

Намли Елена (Namli Elena) – доктор этики, профессор Упсальского университета (Швеция). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Обермайер Бригитте (Obermayr Brigitte) — доктор философии, научная сотрудница Института общего литературоведения и компаратистики им. П. Сцонди Берлинского свободного университета. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Смирнов Андрей Вадимович — доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заведующий сектором философии исламского мира Института философии Российской академии наук. Институт философии Российской академии наук. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Спирова Эльвира Маратовна — доктор философских наук, и.о. заведующей сектором истории антропологических учений Института философии Российской академии наук, главный редактор журналов «Философская мысль». 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Фишер Норберт (Fischer Norbert) — доктор, профессор, заведующий кафедрой основных философских вопросов богословия Католического университета в Айхштете (Германия). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Фройденталь Гидеон (Freudenthal Gideon) — доктор философии, профессор Института Кона истории и философии науки и идей Тель-Авивского университета (Израиль). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Чичовачки Предраг (Cicovacki Predrag) — доктор, профессор Колледжа Св. Креста (США). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Чумаков Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, первый вице-президент Российского философского общества. Российское философское общество. 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1.

Шахнович Марианна Михайловна — доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии религии и религиоведения философского факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербургский государственный университет 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7-9.

Шестопап Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии Московского института международных отношений (Университет МГИМО). Университет МГИМО. 119454, Москва, проспект Вернадского, дом 76.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры истории Отечества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17, mihailovan@inbox.ru

Рылёва Анна Николаевна — доктор культурологии, главный научный сотрудник и руководитель Центра непрерывного культурологического образования Российского института культурологи. 119072, Россия, г. Москва, Берсенева набережная, 18-20-22, строение 3.

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры истории и культурологии ФГБОУ ВО "Ивановский государственный химико-технологический университет". E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Бережная Наталья Викторовна - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и методологии науки Южно-Российского института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации. E-mail : rassgd@yandex.ru

Березанцев Андрей Юрьевич - доктор медицинских наук, профессор по специальности "Психиатрия", врач-психиатр, главный научный сотрудник образовательного центра Первой московской клинической психиатрической больницы им. Алексеева. E-mail: berintend@yandex.ru

Прохоров Михаил Михайлович - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры истории, философии, педагогики и психологии, Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет. 603950, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Ильинская, дом 65. mmpro@mail.ru

Колесникова Галина Ивановна - доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Российского государственного университета правосудия (Крымский филиал), 295006, Южный федеральный округ, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Павленко, 5 galina_kolesnik@mail.ru galina_ivanovna@kolesnikova.red

Бесков Андрей Анатольевич - кандидат философских наук, заведующий лабораторией "Трансформация духовной культуры в современном мире", Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина. 603005, Нижегородская обл., г. Нижний Новгород, л. Ульянова, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Аринин Евгений Игоревич - доктор философских наук, Владимирский государственный

университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовы, заведующий кафедрой, 600005, Россия, Владимирская область область, г. Владимир, ул. Студенческая, 12, кв. 16, eiarinin@mail.ru

Баксанский Олег Евгеньевич - доктор философских наук, Физический институт имени П. Н. Лебедева РАН, внс, профессор, 107014, Россия, г. Москва, ул. 2 Сокольническая, 1, кв. 28, obucks@mail.ru

Беляев Игорь Александрович - доктор философских наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Оренбургский государственный университет», Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Orenburg State University», 460018, Россия, Оренбургская область, г. Оренбург, ул. Терешковой, 10/6, кв. 116, igorbelyaev@list.ru

Бесков Андрей Анатольевич - Doctor of Philosophy (Ph. D), ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», Заведующий лабораторией «Трансформация духовной культуры в современном мире», 603162, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ванеева, 116, beskov_aa@mail.ru

Горохов Павел Александрович - доктор философских наук, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, филиал в Оренбурге, профессор, 460040, Россия, Оренбург область, г. Оренбург, проспект Гагарина, 23/3, erlitz@yandex.ru

Грибер Юлия Александровна - доктор культурологии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Смоленский государственный университет», профессор, директор Лаборатории цвета, 214000, Россия, Смоленская область, г. Смоленск, ул. 2-я Линия Красноармейской Слободы, 9, кв. 10, Y.Griber@gmail.com

Забнева Эльвира Ивановна - доктор философских наук, Филиал КузГТУ в г.Новокузнецке, директор, 654000, Россия, Кемеровская область, г. Новокузнецк, ул. ул. Орджоникидзе, 7, zabnevailvira@mail.ru

Коротких Вячеслав Иванович - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина", профессор кафедры философии и социальных наук, 399770, Россия, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров, 58, кв. 4, shortv@yandex.ru

Кусаинов Дауренбек Умербекович - доктор философских наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая, профессор, 050020, Казахстан, республика Алматы, г. город, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, daur958@mail.ru

Ларин Юрий Викторович - доктор философских наук, безработный (с 1.09.2019) пенсионер (22.06.1953), 625000, Россия, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Фармана Салманова, 4, кв. 49, jvlarin@mail.ru

Малинов Алексей Валерьевич - доктор философских наук, Санкт-Петербургский государственный университет, профессор, Социологический институт РАН - филиал ФНИСЦ РАН, ведущий научный сотрудник, 199178, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург,

ул. 15 линия В.О., 12, кв. 49, a.v.malinov@gmail.com

Мамедалиев Закир Гурбан - доктор философских наук, Азербайджанский государственный экономический университет (UNEC), профессор кафедры "Гуманитарные дисциплины", AZ 1015, Азербайджан, г. Баку, ул. Ингилаб Исмаилов, 48, кв. 79, zakirm57@mail.ru

Мёдова Анастасия Анатольевна - доктор философских наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва, Профессор, ФГБОУ ВО Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева, Профессор, 660020, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Абытаевская, 4А, кв. 1, krasfilmanager@gmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Орлов Сергей Владимирович - доктор философских наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение "Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения", профессор кафедры истории и философии, Философия и гуманитарные науки в информационном обществе. Сетевое издание (ISSN 2309-6888, свидетельство и регистрации ЭЛ №ФС77-54191), Главный редактор, 191180, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, ул. Загородный проспект, 21-23, кв. 243, orlov5508@rambler.ru

Пермиловская Анна Борисовна - доктор культурологии, ФГБУН Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаврова УрО РАН, ,заведующая, главный научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик, 163009, Россия, Архангельская обл. область, г. г Архангельск, Архангельская обл., наб. Сев.Двины, 23, оф. 314, annaperm@fciarctic.ru

Попов Евгений Александрович - доктор философских наук, Алтайский государственный университет, профессор кафедры социологии и конфликтологии, 656049, Россия, Алтайский край, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, оф. 520, popov.eug@yandex.ru

Сутужко Валерий Валериевич - доктор философских наук, Поволжский институт управления (филиал) Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры социальных коммуникаций, 410035, Россия, г. Саратов, ул. Бардина, 4, кв. 183, vavasut@yandex.ru

Чебунин Александр Васильевич - доктор философских наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Восточно-Сибирский государственный институт культуры, профессор, 670031, Россия, республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Терешковой, 5, кв. 536, chebunin1@mail.ru

Скороходова Татьяна Григорьевна - доктор философских наук, ФГБОУ ВО "Пензенский государственный университет", профессор кафедры "Теория и практика социальной работы", 440071, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Ладожская, 99, кв. 9, skorokhod71@mail.ru

Римонди Джорджия - PhD (Slavic studies), Сиенский университет для иностранцев,

старший исследователь, Центр русского языка и культуры имени А.Ф. Лосева при МПГУ,
внештатный сотрудник, 53100, Италия, г. Сиена, р.le Rosselli, 27/28, каб.
206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Editorial collegium

Ruben Grantovich Apresyan — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Ethics Sector, Head of the Department of Axiology and Philosophical Anthropology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Gorokhov Pavel Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, branch in Orenburg. E-mail: erlitz@yandex.ru

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journal "Personality. Culture. Society". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Gonchamaya str., 12, p. 1.

Sergeyev Mikhail Yurievich — Doctor of Philosophy (Ph.D.), Professor, Associate Professor, Department of Liberal Arts, University of the Arts (USA). Division of Liberal Arts, The University of the Arts, 320 S. Broad Street, Philadelphia, PA, 19102, USA.

Khrenov Nikolay Andreevich — Doctor of Philosophy, Deputy Director for Scientific Work of the State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation. 125009, Russia, Moscow, Kozitsky lane, 5.

Safonov Andrey Leonidovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Director of the Institute "State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "Technological University". 141070. Moscow region, Korolev, Gagarin str., 42
zumsiu@yandex.ru

Orlov Sergey Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Professor, St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Professor of the Department of History and Philosophy, 190000, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya str., 67, orlov5508@rambler.ru

Vyacheslav Tavisovich Faritov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, 32 Severny Venets str., Ulyanovsk, 432027, Russia vfar@mail.ru

Khrapov Sergey Alexandrovich – Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution Higher Education "Astrakhan State University", Professor of the Department of Philosophy, 414056, Astrakhan, Tatishcheva str., 20 a, khrapov.s.a.aspu@gmail.com

Artemenko Andrey Pavlovich – Doctor of Philosophy, Professor, Kharkiv State Academy of Culture, Professor of the Department of Management of Culture and Social Technologies, 61057, Ukraine, Kharkiv, Bursatsky descent str., 4, prof.artemenko@mail.ru

Prilutsky Alexander Mikhailovich – Doctor of Philosophy, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University, Professor, 48 Moika River Embankment, St. Petersburg, 191186, alpril@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy Str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov – Doctor of Philosophy, Associate Professor, I.A. Bunin

Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy, Social Sciences and Journalism, 28 Kommunarov Str., 399770, Lipetsk Region, Yelets, shortv@yandex.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies, 460018. Orenburg region, Orenburg, ave. Victory, d. 13, igorbelvaev@list.ru

Kotlyarova Victoria Valentinovna – Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Service and Entrepreneurship (Shakhty branch) Don State Technical University, 346500, Rostov region, Shakhty, ul. Shevchenko, 147, biktoria66@mail.ru

Krasikov Vladimir Ivanovich – Doctor of Philosophy, Chief Researcher of the Center for Scientific Research of the All-Russian State University of Justice of the Ministry of Justice of the Russian Federation (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 117638, Moscow, Azovskaya str., 2, building 1, KrasVladIv@gmail.com

Timoshchuk Alexey Stanislavovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Goncharov Vitaly Viktorovich – Doctor of Philosophy, Executive Director of the Legal Consulting Corporation "Association of Independent Human Rights Defenders", 350002, Krasnodar, Promyshlennaya str., 50, niipgergo2009@mail.ru

Smirnov Alexey Viktorovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya line, 5, darapti@mail.ru

Chvyakin Vladimir Alekseevich – Doctor of Philosophy, Professor, Department of Environmental Safety of Technical Systems, Moscow Polytechnic University, 195805@mail.ru

Vodenko Konstantin Viktorovich – Doctor of Philosophy, Professor, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), 7. 346428 Novocherkassk, Rostov region, 132 Prosveshcheniya str. vodenkok@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Speech Communication and Publishing of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of the Southern Federal University, Pushkinskaya 150, office 14, Rostov-on-Don, 344006, alexow@mail.ru

Natalia Fedorovskaya – Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village. Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Irhen Irina Igorevna – Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Vaganova Academy of Russian Ballet, Professor of the Department of Philosophy, History and Theory of Art, Head of Graduate School, St. Petersburg, 191023, Architect Rossi str., 2 irkhen67@gmail.com

Zhirtueva Natalia Sergeevna – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science and International Relations, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Universitetskaya str., 33, zhr_nata@bk.ru

Danielyan Naira Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Professor, National Research University "MIET", Department of Philosophy and Sociology, Moscow, Zelenograd, Zelenograd str., 904, 124575, Russia,

Sidorov Alexey Mikhailovich – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University, Department of Ontology and Theory of Cognition, 199034, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Universitetskaya nab., 7/9,

Zapesotsky Alexander Sergeevich — Doctor of Cultural Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Artist of the Russian Federation, academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Education, Rector of the St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, corresponding member of the Russian Academy of Sciences. St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions. 15 Fuchika Street, Saint Petersburg, 192238.

Arshinov Vladimir Ivanovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Science and Technology of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Bird Robert is a Doctor of Philosophy, professor at the University of Chicago (USA). The University of Chicago. 1130 E. 59th St. Chicago, IL 60637 tel: 773.702.8033

Fyodor Ivanovich Girenok — Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Gubman Boris Lvovich — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theory of Culture of Tver State University. Tver State University. 33 Zhelyabova str., Tver, 170100, Russia.

Mikhail G. Delyagin — Doctor of Economics, Professor, Director of the Institute of Problems of Globalization. Institute of Problems of Globalization. 5 Gazetny Lane, Moscow, 125009, Russia.

Denne Maryse (Dennes Maryse) — doctor, professor at the University. Montaigne Bordeaux-3, Program Director of the Aquitaine Humanities Center (MSHA) and the Slavic Civilizations Research Collective (CERCS), expert of the Ministry of Higher Education on international scientific programs (France). Departement d'Etudes Slaves, UFR LE-LEA, Universite Michel de Montaigne – Bordeaux 3 – 33607

Ilyinsky Igor Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Rector of the Moscow University for the Humanities. Moscow University for the Humanities. 5/1 Yunosti str., Moscow, 111395, Russia.

Lector Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Cognition of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the International Editorial Board

of the journal "Questions of Philosophy". Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Mironov Vladimir Vasilyevich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dean of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University. Lomonosov Moscow State University, Faculty of Philosophy. 119991, Moscow, Leninskie Gory, Moscow State University, educational and scientific building "Shuvalovsky".

Namli Elena is a Doctor of Ethics, professor at Uppsala University (Sweden). Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies. Box 514 SE 751 20 Uppsala – Sweden.

Neretina Svetlana Sergeevna — Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Obermayer Brigitte (Obermayr Brigitte) is a Doctor of Philosophy, a researcher at the P. Scondi Institute of General Literary Studies and Comparative Studies of the Free University of Berlin. Freie Universitaet Berlin FU Berlin Sonderforschungsbereich 626 Altensteinstra?e 2-4 14195

Smirnov Andrey Vadimovich — Doctor of Philosophy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Philosophy Sector of the Islamic World of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Elvira Maratovna Spirova — Doctor of Philosophy, Acting Head of the Section of the History of Anthropological Teachings of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the journals "Philosophical Thought". 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Fischer Norbert is a doctor, professor, head of the Department of Basic Philosophical Questions of theology at the Catholic University in Eichstatt (Germany). Katholische Universitaet Eichstaett-Ingolstadt. VdRSSD e.V. – Storksbrede 7 59073 Hamm (Westf.) – Germany.

Freudenthal Gideon is a Doctor of Philosophy, professor at the Cohn Institute of History and Philosophy of Science and Ideas at Tel Aviv University (Israel). Tel Aviv University. Ramat Aviv 69978, Tel-Aviv, Israel.

Cicovacki Predrag is a doctor, professor at the College of the Holy Cross (USA). Department of Philosophy College of the Holy Cross. Worcester, MA 01610-2395 tel.: 508-793-2467

Alexander N. Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society. Russian Philosophical Society. 109240, Moscow, Goncharnaya str., 12, p. 1.

Shakhnovich Marianna Mikhailovna — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Religion and Religious Studies of the Faculty of Philosophy of St. Petersburg State University. St. Petersburg State University 199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment, 7-9.

Alexey Viktorovich Shestopal — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy of the Moscow Institute of International Relations (MGIMO University). MGIMO University. 76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politechnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Ryleva Anna Nikolaevna — Doctor of Cultural Studies, Chief Researcher and Head of the Center for Continuing Cultural Education of the Russian Institute of Cultural Studies. 119072, Russia, Moscow, Bersenevskaya embankment, 18-20-22, building 3.

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of the Department of History and Cultural Studies of the Ivanovo State University of Chemical Technology. E-mail: shoudmitry@yandex.ru

Berezhnaya Natalia Viktorovna - Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Metology of Science of the South Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation. E-mail : rassgd@yandex.ru

Berezantsev Andrey Yurievich - Doctor of Medical Sciences, professor in the specialty "Psychiatry", psychiatrist, chief researcher of the educational center of the First Moscow Clinical Psychiatric Hospital named after Alekseev. E-mail: berintend@yandex.ru

Mikhail Mikhailovich Prokhorov - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering. 65 Ilyinskaya str., Nizhny Novgorod, 603950, Russia. mmpro@mail.ru

Kolesnikova Galina Ivanovna - Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice (Crimean branch), 295006, Southern Federal District, Republic of Crimea, Simferopol, Pavlenko str., 5 galina_kolesnik@mail.ru
galina_ivanovna@kolesnikova.red

Beskov Andrey Anatolyevich - Candidate of Philosophical Sciences, Head of the laboratory "Transformation of Spiritual Culture in the modern world", Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after Kozma Minin. 603005, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, L. Ulyanova, 1. E-mail: beskov_aa@mail.ru

Arinin Evgeny Igorevich - Doctor of Philosophy, Vladimir State University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletova, Head of the Department, 600005, Russia, Vladimir region, Vladimir, Studentskaya str., 12, sq. 16, earinin@mail.ru

Baksansky Oleg Evgenievich - Doctor of Philosophy, Lebedev Physical Institute of the Russian Academy of Sciences, VNS, Professor, 107014, Russia, Moscow, 2 Sokolnicheskaya str., 1, sq. 28, obucks@mail.ru

Belyaev Igor Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Orenburg State University", 460018, Russia, Orenburg region, Orenburg, Tereshkova str., 10/6, sq. 116, igorbelyaev@list.ru

Beskov Andrey Anatolyevich - Doctor of Philosophy (Ph. D), Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University, Head of the Laboratory "Transformation of Spiritual Culture in

the Modern World", 116 Vaneeva str., Nizhny Novgorod, 603162, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, beskov_aa@mail.ru

Pavel Aleksandrovich Gorokhov - Doctor of Philosophy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orenburg Branch, Professor, 23/3 Gagarin Avenue, Orenburg, 460040, Russia, Orenburg Region, Orenburg, erlitz@yandex.ru

Griber Yulia Aleksandrovna - Doctor of Cultural Studies, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Smolensk State University", Professor, Director of the Color Laboratory, 214000, Russia, Smolensk region, Smolensk, 2nd Line of the Krasnoarmeyskaya Sloboda, 9, sq. 10, Y.Griber@gmail.com

Zabneva Elvira Ivanovna - Doctor of Philosophy, KuzSTU Branch in Novokuznetsk, Director, 654000, Russia, Kemerovo region, Novokuznetsk, Ordzhonikidze str., 7, zabnevailvira@mail.ru

Vyacheslav Ivanovich Korotkov - Doctor of Philosophy, I.A. Bunin Yelets State University, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, 399770, Russia, Lipetsk Region, Yelets, 58 Kommunarov str., sq. 4, shortv@yandex.ru

Kusainov Daurenbek Umerbekovich - Doctor of Philosophy, Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Professor, 050020, Kazakhstan, Republic of Almaty, city, ul.Taimanov str., 222, sq. 16, daur958@mail.ru

Larin Yuri Viktorovich - Doctor of Philosophy, unemployed (since 1.09.2019) retired (22.06.1953), 625000, Russia, Tyumen region, Tyumen, ul. Farman Salmanova, 4, sq. 49, jvlarin@mail.ru

Malinov Alexey Valeryevich - Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor, Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences - Branch of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, leading Researcher, 199178, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, ul. 15 liniya V.O., 12, sq. 49, a.v.malinov@gmail.com

Mammadaliyev Zakir Gurban - Doctor of Philosophy, Azerbaijan State University of Economics (UNEC), Professor of the Department of Humanities, AZ 1015, Azerbaijan, Baku, Ingilab Ismailov str., 48, sq. 79, zakirm57@mail.ru

Medova Anastasia Anatolyevna - Doctor of Philosophy, Siberian State University of Science and Technology. Academician M.F. Reshetnev, Professor, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev, Professor, 660020, Russia, Krasnoyarsk Krai, Krasnoyarsk, Abytaevskaya str., 4A, sq. 1, krasfilmanager@gmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region region, Rostov-on-Don, ul. 15 liniya, 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Orlov Sergey Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Federal State Autonomous Educational Institution "St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation", Professor of the Department of History and Philosophy, Philosophy and Humanities in the Information Society. Online edition (ISSN 2309-6888, certificate and registration of E-mail No.FS77-54191), Editor-in-chief, 191180, Russia, St. Petersburg, St. Petersburg, Zagorodny Prospekt str., 21-23, sq.

243, orlov5508@rambler.ru

Permilovskaya Anna Borisovna - Doctor of Cultural Studies, Academician N.P. Laverov Federal Research Center for the Integrated Study of the Arctic, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Head, Chief Researcher of the Scientific Center for Traditional Culture and Museum Practices, 163009, Russia, Arkhangelsk Region, Arkhangelsk region, nab. Sev.Dvina, 23, of. 314, annaperm@fciaarctic.ru

Popov Evgeny Aleksandrovich - Doctor of Philosophy, Altai State University, Professor of the Department of Sociology and Conflictology, 656049, Russia, Altai Krai, Barnaul, Dimitrova str., 66, office 520, popov.eug@yandex.ru

Sutuzhko Valery Valerievich - Doctor of Philosophy, Volga Region Institute of Management (branch) Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Communications, 410035, Russia, Saratov, Bardina str., 4, sq. 183, vavasut@yandex.ru

Chebunin Alexander Vasilyevich - Doctor of Philosophy, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education East Siberian State Institute of Culture, Professor, 670031, Russia, Republic of Buryatia, Ulan-Ude, ul. Tereshkova, 5, sq. 536, chebunin1@mail.ru

Skorokhodova Tatiana Grigoryevna - Doctor of Philosophy, Penza State University, Professor of the Department "Theory and Practice of Social Work", 440071, Russia, Penza region, Penza, 99 Ladozhskaya str., sq. 9, skorokhod71@mail.ru

Rimondi Georgia - PhD (Slavic studies), Siena University for Foreigners, Senior Researcher, Losev Center for Russian Language and Culture at the Moscow State University, Freelance, 53100, Italy, Siena, p.le Rosselli, 27/28, room 206, giorgia.rimondi@unistrasi.it

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикаторм можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невозстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенно важно задокументировать точный созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Розин В.М. Концепция техногенной цивилизации: проблематизация и характеристика	1
Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть первая	15
Саенко Н.Р., Татаренко М.А. Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре	30
Гурбанов А.Г. Роль социальной аксиологизации потребления в становлении жизненного мира современного человека	42
Артеменков А.А. Антиномия современной трансформации человека и общества	55
Англоязычные метаданные	64

Contents

Rozin V.M. The concept of man-made civilization: problematization and characterization	1
Ufimtsev A.E., Smirnova M.M. Systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms (Part One)	15
Saenko N.R., Tatarenko M.A. Factors of transformation of mass forms of celebration in modern culture	30
Gurbanov A.G. The role of social axiologization of consumption in the formation of the world outlook of modern man	42
Artemenkov A.A. Antinomy of the modern transformation of man and society	55
Metadata in english	64

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Концепция техногенной цивилизации: проблематизация и характеристика // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.72048 EDN: BHHNQD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72048

Концепция техногенной цивилизации: проблематизация и характеристика

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.72048

EDN:

BHHNQD

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2024

Аннотация: Статья начинается анализом концепции техногенной цивилизации В.С. Степина. Указываются проблемы, встающие при ее чтении: каким образом связаны между собой синергетический и системный дискурсы с культурологическим, можно ли сопоставлять как отдельные культуры модерн и его предпосылки (античность и средние века), правильно ли брать для анализа модерн и традиционный тип культуры как единые целые, в то время как они состоят из разных культурных образований. Высказывается предположение, что объяснение модерна с учетом техногенности предполагает не культурологическое сопоставление, хотя оно может тоже использоваться, но как один из аспектов решения, а проведение генезиса модерна, в том числе в плане выяснения проблемы техногенности. Намечается схема подобного генезиса. Переход к Новому времени, по мнению автора, включал в себя формирование государств с разным устройством и вероисповеданиями, становление новых социальных общностей с провозглашением равенства и свободы их участников, смену сакральной картины мира на природу, подчиняющуюся естественным, вечным законам. Эти процессы, включая новый культурный проект, были осмыслены Френсисом Беконем, сформулировавшим

проект овладения природы при условии перестройки сознания человека, создания новой науки (естествознания), основанной на ней «новой магии» (по сути, инженерии), промышленности, опирающейся на научные знания и инженерию, и все это должно было обеспечиваться новой социальной организацией. Различаются, характерные для того времени две концепции природы и техники – «витальная» и «ментальная» и конкуренция между ними. Во второй половине XVIII столетия ментальная техника стала вытеснять витальную, породившую в Европе первый экологический кризис, что выступило предпосылкой формирования инженерии и технологии, а также первой промышленной революции. Проводится их различие. Суммируются сущностные характеристики техногенной цивилизации. Завершается работа обсуждением кризиса техногенной цивилизации.

Ключевые слова:

цивилизация, культура, техногенность, проект, реализация, социальность, кризис, проблемы, мышление, техника

Автор этой концепции В.С. Степин характеризует ее, во-первых, культурологически, противопоставляя техногенный тип цивилизации традиционному, во-вторых, по содержанию (сравнения в этих типах осуществляется на основе понятий личность, ее представлений о природе, будущем, власти, социальном действии), в-третьих, указывая на процессы экспансии техногенной цивилизации. «И есть еще один тип цивилизации, – пишет В. Степин, – он возник позднее, в эпоху великой духовной революции Возрождения, потом Реформации и, наконец, Просвещения. Я этот тип цивилизации обозначаю как техногенную цивилизацию. Ее часто называют цивилизацией проекта Модерн, говорят часто о западной цивилизации, но цивилизация эта уже не западная, она и на востоке уже есть, идет по всему миру, и там есть своя структура ценностей и свой генотип, в соответствии с которым она воспроизводится... В техногенных культурах человек воспринимается как креативное существо, изменяющее окружающий мир, и творческие способности человека рассматриваются как фундаментальные. А деятельность рассматривается как деятельность преобразующая, выстраивающая совершенно новые состояния природы и человеческого социального бытия. В традиционалистских культурах такого нет, там господствует другое понимание. Там человек должен вписываться в окружающий мир, приспосабливаться к нему...Сегодня процесс глобализации – это по существу “обращение” всей планеты в систему ценностей техногенной культуры, где они должны быть базисными и доминирующими. Это, конечно, не значит, что традиционалистские ценности исчезнут – они будут трансформированы, приспособлены, но ведущая роль должна быть за техногенными ценностями» [\[22, с. 5, 7\]](#) .

Концепция В. Степина очень целостная и впечатляющая, тем не менее, у меня есть к ней вопросы. Кроме *культурологического* дискурса, например, сравнение типов цивилизаций и утверждение, что каждая цивилизация проходит «замкнутый цикл» [\[22, с.5\]](#), в работе используется еще два дискурса – *синергетический* и *системный*. Так В. Степин вводит представление о саморазвивающихся системах, понимая их развитие в логике синергетики. Во второй половине XX века, пишет он, «наука втянула в орбиту своего исследования сложные, саморазвивающиеся системы...саморазвитие — это переход от одного типа гомеостазиса к другому типу через фазовый переход, а этот переход есть динамический хаос, он описывается нелинейной динамикой, синергетикой. Он характеризуется тем, что там есть точки бифуркации, есть несколько сценариев

развития» [22, с. 7]. Первый вопрос такой: каким образом связаны или соотносятся между собой эти два дискурса с культурологическим, можно ли, например, сказать, что цивилизация модерна сложилась в результате саморазвития определенной традиционной цивилизации (спрашивается, какой, средневековой?) и какие точки бифуркации и факторы определили ее становление?

Второй вопрос касается таких типов традиционной цивилизации как античность и средние века. «Традиционалистских обществ – пишет В. Степин, – много: Древняя Индия и Древний Китай, славянский мир, европейский средневековый и античный мир, все это традиционалистские общества» [22, с. 5]. Дело в том, что античность и средние века в соответствие с современными исследованиями являются предпосылками модерна, например, представление о науке и природе разрабатывались в этих культурах (цивилизациях) и были ассимилированы и переосмыслены в модерне. Каким образом в этом случае проводить сопоставление этих традиционных цивилизаций с цивилизацией модерна?

Третий вопрос, как понимать цивилизацию модерна, равна ли она в историческом времени сама себе? Одно дело это XVI-XVII вв., когда эта цивилизация только складывалась, другое XVIII-XIX столетие, когда она уже сложилась, третье XIX и XX вв., когда вступила в полосу кризисов; в настоящее время модерн переживает сложную трансформацию, причем один из сценариев развития заканчивается постмодерном и катастрофой.

Близкий вопрос четвертый, о традиционном типе цивилизаций: здесь очень разные целые (культуры, общества), можно ли все их подводить под одно понятие? На мой взгляд, нет. Понятен замысел В. Степина, понять модерн как техногенную цивилизацию, сравнив его с традиционными цивилизациями. Для этого последним пришлось приписать несвойственные данным культурам (Древняя Индия и Древний Китай, славянский мир, европейский средневековый и античный мир) характеристики и объединить их в один тип.

Такую же задачу (понять сущность модерна в отношении техногенности) пытался решить и М.Хайдеггер. «Люди говорят, что современная техника – нечто совершенно другое в сравнении со всей прежней, поскольку она опирается на точные науки Нового времени... Решающим остается вопрос: в чём существо современной техники, если она дошла до того, что в ней применяется точное естествознание?» [24]. В статье «Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи "Вопрос о технике")» я показываю, что М. Хайдеггеру эту задачу удовлетворительно решить не удалось. «Хайдеггер так и не объяснил, каким образом на основе естествознания создается техника нового времени. Есть отдельные соображения о роли природы, расчетов, влияния производства, управления и обеспечения («управление и обеспечение делаются главными чертами про-из-водящего раскрытия»), но в целом реконструкция, объясняющая современную технику, отсутствует. Хорошо объяснена только одна сторона техники, названная «поставом», которую я отношу к «технической среде» [16, с. 56].

Решение поставленной М. Хайдеггером и В. Степиным задачи – объяснение модерна с учетом техногенности или характеристика сущности техногенной цивилизации, на мой взгляд, предполагает не культурологическое сопоставление, хотя оно может тоже использоваться, но как один из аспектов решения, а **проведение генезиса модерна**, в том числе в плане выяснения проблемы техногенности. Сюда же относится также

объяснение настоящего взрыва развития техники и ее концепций, начиная со второй половины XVIII столетия, и замена в этот же период и особенно со второй половины XIX столетия естественной среды с элементами техники на искусственную техническую среду [\[17, с. 169-173\]](#). Вот такую сложную задачу я ставлю перед собой. Намечу схематично ее решение, оставив подробную реконструкцию на последующее.

XIV-XVI столетия в Европе характеризуются переходом к Новому времени. Для нашей темы важно обратить внимание на четыре процесса. Первый, переход от единого католического мира и империи к протестантству и кальвинизму, к странам с разными вероисповеданиями и государственным устройством («Вестфальский мир»). Второй процесс, уход со сцены истории сословных отношений и складывание новых социальных общностей с провозглашением равенства и свободы их участников. Третий, формирования нового способа хозяйствования и торговли, ориентированных на точные расчеты и прогнозирование (начало экономики модерна [\[18, с. 84-85\]](#)). Четвертый процесс, смена сакральной картины мира, в соответствии с которой мир создан Богом, который и определяет все процессы, на природу, подчиняющуюся естественным, вечным законам, хотя и установленным Творцом, но существующих уже независимо от Него. Светлана Месяц считает, что «наиболее полно новое понимание природы было выражено в концепции “ренессансного натурализма”. В ней “сотворенная Богом природа сразу же приобретает самостоятельность и развивается дальше по своим собственным законам”» ([\[12, с. 349\]](#), а также [\[19, с. 82\]](#)).

Первые три процесса создавали серьезные проблемы (вызовы), требующие своего разрешения. Разные вероисповедания и государственные устройства при ослаблении единого христианского учения и империи вели к социальным конфликтам и войнам; равенство и свобода участников новых социальных общностей обуславливали анархию и конфликты, делавшие невозможным социальный порядок; новые способы хозяйствования и торговли требовали осмысления и обоснования. Частично эти проблемы были смягчены и разрешены формированием европейского государства и права, но только частично, поскольку, в свою очередь, европейское государство и право нуждались в обосновании (скажем, почему нужно было теперь подчиняться не королям, которые все же были сакральными фигурами, а безродным чиновникам и законам, которые установили правоведы и утверждали те же чиновники?) [\[18, с. 86-87\]](#).

Было и еще одно обстоятельство, требующее своего разрешения. Дело в том, что средневековый «смысловый проект европейской цивилизации» к XIV-XV вв. в основном был завершен. Думаю, многие знают этот проект, хотя и не опознают его как именно проект. Кратко это представление о том, что Бог создал мир и человека; мир преидет и будет второе пришествие, и Страшный суд; чтобы человек был к нему готов, он должен из «ветхого» стать «новым», христианином, жить в соответствие со Священным писанием. Благодаря большой работе, проделанной христианской церковью, к XIV-XV вв. европейский человек, действительно стал христианином, а «парусия» (обещанное через Божественное откровение явление Господа Иисуса Христа во Славе при Втором пришествии) была той же церковью отодвинута в неопределенное будущее, поскольку мешала жизни, создавая ненужные ожидания. Кроме того, к этому времени человек, покинув мысленно небо и Бога, все больше жил земными заботами, культурный смысл которых ему был неясен, поскольку не был выражен в слове. Короче требовался новый культурный проект, дававший смысл земным деяниям, разрешая указанные выше проблемы.

Мое предположение состоит в том, что подобный смысл и решения были предложены

Френсисом Бэконом, сформулировавшим **проект овладения природы при условии перестройки сознания человека, создания новой науки (естествознания), основанной на ней «новой магии» (по сути, инженерии), промышленности, опирающейся на научные знания и инженерию; и все это должно было обеспечиваться новой социальной организацией («Новая Атлантида»)**. «Пусть, – пишет Бэкон, – человеческий род только овладеет своим правом на природу, которая назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество...» [с. 193]. «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы<...> Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная от первых восприятий чувств<...> но, прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума<...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа» [4, с. 68-69].

Д.Л. Сапрыкин отмечает, что в книге Джулиана Мартина обращается «внимание на определенное сходство и даже почти полный параллелизм бэконовского замысла реформы науки, в том числе создания научной организации нового типа, и его же замысла реформ государства и права [25] ... на то, что “Новая Атлантида” есть не только произведение о новой научной организации, но прежде всего о модернизированном государстве – империи» [21]. В данном случае нас интересует не Британская империя, а то что Атлантидой управляют ученые, которые хотя и почитают христианство, тем не менее, принимают решения, основанные на рациональных соображениях.

Проект Ф.Бэкона был не совсем проектом, это так мы ретроспективно его опознаем и осмысляем. На самом деле Бэкон писал научные трактаты и, заканчивая жизнь, создал произведение типа утопии. Он, если сравнить с «Государством» Платона, не обсуждал, можно ли идеи и схемы, содержащиеся в этих работах, реализовать и какие для этого нужны условия (оба эти моменты характерны для проектирования). Однако мы знаем из истории, что идеи Бэкона приглянулись многим людям того времени, и они стали воплощать их в жизнь. С точки зрения современности, это выглядит как реализация проекта.

В работах Ф. Бэкона цели науки по сравнению с античностью и средними веками кардинально меняются: они истолковываются сугубо прагматически, соответственно из познания процессов природы ученый и инженер должны извлечь пользу для людей и общества. «Наконец, – пишет Ф. Бэкон в работе “Великое восстановление наук”, – мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не ради того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики и чтобы они совершенствовались и направляли ее во взаимной любви» [4, с. 71]. В «Новом органоне» Ф. Бэкон утверждает, что «правильно найденные аксиомы ведут за собой целые отряды практических приложений» и подлинная цель науки «не может быть другой, чем наделение человеческой жизни новыми открытиями и благами» [3, с. 95, 147].

Извлечение пользы у Ф. Бэкона основывалось на новом понимании природы, не только как естественного явления, по Аристотелю, но и как искусственного, по Галилею, показавшего, что для математического моделирования природных процессов необходим

эксперимент, в котором природа нужным человеку образом преобразуется, трансформируется (Ф. Бэкон говорил «стесняется искусством»). «Что касается содержания, – пишет Ф. Бэкон, – то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоритов, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы *связанной и стесненной*, когда *искусство и служение человека выводит ее из обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее...* природа Вещей сказывается более в *стесненности посредством искусства*, чем в собственной свободе» [\[3, с. 95, 96\]](#) (курсив мой. – В.Р.).

Анатолий Ахутин в своей замечательной книге о природе показывает, что новое понимание природы еще до Галилея и Бэкона наметил и разработал Николай Кузанский. В отличие от существовавшего в то время понимания природы как живого организма и сил (назовем эту концепцию природы «витальной»), законы которой лучше выявляли в своих произведениях художники, чем ученые, Кузанский истолковывает природу, во-первых, как отделенную от Творца и самостоятельно существующую, во-вторых, математически и индуктивно-дедуктивно раскрываемую, в-третьих, как преображаемую человеком (своего рода замысел эксперимента). Сравним первую концепцию со второй (назовем ее условно «ментальной»).

(Витальная концепция природы) «Разумеется, – пишет Ахутин, – открытие природы как художественное открытие относится к эпохе XVI в. к эпохе барокко, и открытие это крайне далеко от какой бы то ни было идиличности... Природа торчит, прорывается и ужасает, не входя ни в какие формы и пазы. Она присутствует как некая неслыханная всевозможность, бесформенная продуктивность, избыточествующий фонтан форм, безразлично множась, подчиняясь единой скрытой силе, скрытому закону. Понятно, почему явление этого нового персонажа на сцене европейской культуры первым почувствовало искусство» [\[1, с.41\]](#).

(Ментальная концепция природы) «Все наши мудрые и божественные учителя, – пишет Николай Кузанский, – сходились в том, что видимое поистине есть образ невидимого, и что творца, таким образом, можно увидеть по творению как бы в зеркале и подобии... Таковы математические предметы. Недаром именно в них мудрецы искусно находили примеры умопостигаемых вещей, и великие светочи древности приступали к трудным вещам только с помощью математических подобий <...>

Поистине Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией – искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений...» [\[11\]](#). Приписав легендарному Герместу Трисмегисту свои взгляды, Кузанец пишет: «Человек есть второй Бог. Как Бог – творец реальных сущностей и природных форм <...> познавательная задача не столько в том, чтобы воспроизвести конечную случайность окружающего его естественного мира, сколько в том, чтобы проникнуть с помощью его в универсальные методы природного творчества... Естественная вещь должна быть преобразована человеческим искусством так, чтобы в ней проступили универсальные формы природного искусства, составляющие всеобщую суть всех вещей. Так формируется замысел эксперимента» [\[11\]](#)

Витальная концепция природы способствовала и развитию соответствующей техники («витальной»): это домашние животные, ветряные и водяные мельницы, а также печи, работающие на дровах. Витальная концепция и техника два столетия конкурировали с ментальной концепцией и «ментальной техникой». Последняя стала быстро развиваться

после пионерской работы Х. Гюйгенса, создавшего на основе законов, выявленных в естествознании, первый образец инженерных изделий (точные часы). Гюйгенс решал, если сравнивать с Галилеем, обратную задачу: зная закон, выраженный в математической форме, определить реальный процесс природы, который должен был работать на человека. Опираясь на знание механизма свободного падения тел, описанного Галилеем, и свои исследования качания маятника, он определяет условия, при которых реальный природный процесс будет вести себя нужным образом (показал, что часы будут идти точно, если маятник часов будет падать по циклоиде). Остальное было делом техники: Гюйгенс изготавливает направляющую металлическую полосу в форме циклоиды и делает еще ряд изобретений, например, вилочки, поддерживающей равномерное качание маятника. [\[1, с. 160-161\]](#)

Только во второй половине XVIII столетия ментальная техника стала вытеснять витальную, породившую в Европе первый экологический кризис. Этот процесс, как известно, выступил, в том числе, одной из важнейших предпосылок первой промышленной революции. «Во Франции, – отмечает Ф. Бродель, – накануне Революции Лавуазье насчитывал 3 млн. быков и 1780 тыс. лошадей, в том числе 1560 тыс., занятых в сельском хозяйстве...И это для Франции с ее 25 млн. жителей. При равных пропорциях Европа должна была располагать 14 млн. лошадей и 24 млн. быков <...> Во всяком случае, если в других местностях соотношение между водяными мельницами и численностью населения было такое же, как в Польше, их должно было бы насчитываться накануне промышленного переворота 60 тыс. во Франции и примерно 500-600 тыс. в Европе <...> По расчетам одного эксперта, в эти предшествовавшие XVIII в. времена средний металлургический завод, печь которого давала плавки в течение 2 лет, один только пожирал за два года 2 тыс. га леса. Отсюда и напряженность, которая непрерывно усугублялась с подъемом экономики в XVIII в. “Торговля дровами сделалась в Вогезах промыслом всех жителей, всякий рубит как можно больше, и в скором времени леса будут совершенно уничтожены”. Именно из этого кризиса, для Англии латентного с XVI в., в конце концов родится каменноугольная революция» [\[2, с. 373, 381, 391\]](#).

Через несколько десятилетий вся Европа использовала уже машины, действующие на основе каменного угля и бензина; их создание, хотя и не рассчитывалось полностью на основе научных знаний, питалось «духом естествознания».

Смысловой проект Бэкона основывался именно на ментальной концепции природы. Он позволил осмыслить и обосновать указанные выше процессы. Образование отдельных вероисповеданий и европейских государств, а также новых социальных общностей было понято как естественный процесс формирования наций. «Понятие “нация” получило широкое распространение в период формирования современных государств, сменивших феодальные династические и религиозные государственные образования. Для государства Нового времени характерно создание единых систем управления, рынка и массового образования, что привело к распространению культурно-языкового единообразия, которое пришло на смену локальному своеобразие. Происходило утверждение общих гражданских и правовых норм, общей идентичности... В XVIII веке начинается процесс “изобретения наций” и их истории, в который включаются представления о “народных традициях” и “исторических корнях”» [\[13\]](#). Эти традиции и корни, но особенно язык и территория, понимались именно как особая природа.

Кант и Гегель добавили к этому диалектическую установку, сочетающую природную свободу личности и ее же разумное принятие требований общества (законов и обычаев).

«Государство, по Гегелю – не продукт соглашения отдельных лиц, а безусловное и самоцельное единство. Свобода достигает в этом единстве своего высшего права, но, с другой стороны, в подчинении государству заключается и её высшая обязанность. Руссо был прав, разъясняет Гегель, указав границы государства в воле; но он понимал волю не со стороны её всеобщности и разумности, а со стороны её временного и случайного определения в сознательном соглашении отдельных лиц. Государство есть организм свободы, но этот организм есть вместе с тем осуществление вечной объективной идеи. Примиряя таким образом существующее с разумным и личность с государством, Гегель не устранял ни идеальных начал, ни личных требований: он утверждал только, что эти начала и требования осуществляются в истории, в постепенном процессе развития, что существующее и прошлое представляют собой необходимые ступени в переходе к будущему, что идеальные построения должны находить для себя опору в действительности» [\[7\]](#). Опять же «вечная объективная идея», «история» понимались Гегелем как природа духа.

Формирование европейской экономики тоже часто понимается в естественном ключе. Например, с точки зрения В.А. Колпакова. «экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и А. Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, следовал в главном парадигме Ньютона, находя закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе человеческая природа, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой – человеческое счастье» [\[23, с. 161-162, 165-166\]](#).

Известно, трактовка социальных и экономических отношений как природных сталкивается с рядом затруднений, тем не менее, многие исследователи ее проводят и верят, что эти отношения пусть особая (например, «вторая»), но все же природа. Кстати, верил в это и Кант, что видно по его работе «К вечному миру».

Не стоит думать, что один только Ф. Бэкон конституировал новый смысловой проект модерна, были его последователи и другие философы, работающие над этим проектом и его реализацией. Например, к ним можно отнести Ж.А. Кондорсе, указавшего на связь науки и инженерии с промышленностью, наметившего этапы развития новой цивилизации. «"Прогресс наук (пишет он в книге 'Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума'. – В.Р.) обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к более деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода". С прогрессом наук Кондорсэ связывает увеличение массы продуктов, уменьшение сырьевых и материальных затрат при выпуске продуктов промышленности, уменьшение доли тяжелого труда, повышение целесообразности и рациональности потребления, рост народонаселения и в конечном итоге устранение вредных воздействий работ, привычек и климата, удлинение продолжительности человеческой жизни...В последней главе, посвященной десятой эпохе, Кондорсэ намечает основные линии будущего прогресса человеческого разума и основанного на нем прогресса в социальной жизни человека: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, социального равенства между людьми, наконец, действительное совершенствование человека» [\[14, с. 149, 151-152; 9\]](#).

Тем не менее, в реконструкции генезиса не указываются многие исторические

особенности, важно выделение главных этапов развития и центральных фигур, одной из которых, на мой взгляд, является Ф. Бэкон.

Прежде чем перейти к характеристике техногенности, стоит обратить внимание на еще два процесса, обусловленные реализацией нового проекта: формирование технологии и больших техносоциальных проектов (один из первых был «атомный проект»). Я показываю, что технология складывалась примерно в тот же период второй половины XVIII и в XIX столетии не как еще один новый вид инженерии, а как *рациональная, научная организация индустриального производства в условиях капиталистической конкуренции*. Для нее характерны три момента: описание операций и их условий; установка на качество, экономию, стандартизацию; рациональная организация и управление деятельностью [\[20, с. 173-179\]](#). Большие техносоциальные проекты (атомный, полет на Луну, СОИ, АЭС, Интернет, мобильная связь и др.) – это органический синтез научно-инженерных разработок и технологии. [\[17, с. 197-199\]](#)

Техногенная цивилизация стала складываться не раньше XVIII столетия после успешной реализации двух проектов – овладения природой и Просвещения, а также развития промышленности, опирающейся на инженерию и технологию. В XIX и XX столетиях происходит настоящий взрыв развития техники, формирование технической среды, технической картины мира, массового технического мироощущения (сознания). Здесь действовали много факторов: создание технических изделий на основе изучения процессов природы, которых открывалось (и создавалось в рамках «техноприроды») все больше и больше; своеобразного тандема «исследование – инженерные разработки» (первые нуждались в экспериментах и технике, а вторые в дополнительных исследованиях); взаимодействие инженерии и технологии, это тоже порождало новые исследования и технические разработки; исследовательские и технические задачи, немыслимые прежде, например, проекты электростанций и передачи электричества на большие расстояния, полета на Луну, создания атомной бомбы, мобильной связи, СОИ и др. [\[17, с. 197-204, 211-217\]](#) Реализация этих разработок и проектов обусловили три основные цивилизационные трансформации: образование вместо естественной природной среды с элементами техники сплошной искусственной технической среды (прежде всего, конечно, в городах), изменение образа жизни человека под влиянием машин, транспорта, электричества, телеграфа, радио, наконец, становление нового мировоззрения и видения, технического. Эти техногенные изменения описаны в философии техники и художественной литературе. Одно из направлений концептуализации подобных изменений в философии техники – исследование «технократического дискурса», с которым можно познакомиться по книге Виталия Рачкова.

«Самым модным и расхожим тезисом сегодня, – пишет он, – является: отныне все зависит от техники, поскольку несомненно мы находимся в обществе, созданном целиком техникой и для техники... Как только человек осознает какую-то проблему или опасность, так сразу же можно сказать, что он берется за ее рассмотрение и решение, и, можно сказать, что она уже потенциально разрешена. Иначе говоря, существует негласная установка, что каждое затруднение нашего мира, если на него выделяется достаточно технических средств, людских и денежных ресурсов, преодолевается по мере того, как за него принимаются всерьез. Более того, любое достижение в области науки и техники призвано решать определенное число проблем. Или, точнее, перед лицом опасности, конкретной, лимитированной трудности, люди обнаруживают неизбежно адекватное техническое решение. Это происходит из того, что это – само движение техники; это отвечает также на глубокое убеждение, общее для общественного мнения

индустриальных стран, что все может быть сведено к техническим проблемам <...>

В идеологическом плане такое сознание утверждает себя на основе идей прогресса и нормализации (стандартизации всего); для технически ориентированного сознания характерна установка на непрерывный рост, а также ускорение, наконец, такое сознание блокирует все формы мысли, угрожающие существованию технической реальности» [\[15, с. 32, 54-55, 201-205\]](#).

Техногенную цивилизацию поддерживают все основные институты модерна, прежде всего, образование и власть. Они, как правило, сопротивляются предложениям, направленным на ограничение техногенных процессов. «С самого начала своего зарождения, – пишет Рачков, – техническая система ускользает из-под контроля общественного мнения, ни разу еще не удавалось сократить то или иное техническое предприятие ввиду риска под воздействием общественного контроля. Господствовать над техническими средствами становится труднее не только общественному мнению, но и специалистам. Тем более что чаще всего мы даже и не понимаем проблему: мы начинаем интересоваться контролем за техникой только тогда, когда она затрагивает самые тривиальные проблемы традиционной морали – биотехнология, искусственное зарождение, оплодотворение, ин витро и т.д. Вот это стоит того, чтобы создавать этические и контролирующие комиссии, созывать коллоквиумы и семинары, которые ничего реально не могут ни сделать, ни предложить, но на которых вырабатываются нормы и точки отсчета, полезные не более, чем Хартия о правах человека, потому что несмотря на все благие пожелания, упомянутые технические средства являются лишь фрагментом совокупности технической системы, контроль за которой возможен лишь, если контролировать все» [\[15, с. 141-142\]](#).

Суммируя, можно указать пять основных сущностных характеристик техногенной цивилизации. Первая, смысловой проект Ф. Бэкона, его можно назвать «геномом» техногенной цивилизации. Вторая характеристика, «техногенные практики» – естествознание, инженерия, технология, промышленность. Третья, «техногенные формы сознания», с одной стороны, характерные для специалистов (ученых, инженеров, технологов, менеджеров), с другой – для обычных людей, пользователей техники. Четвертая характеристика, «социальные институты», поддерживающие техногенные процессы. Пятая, «техногенные формы концептуализации», начиная с технократического дискурса, технического образования, пропаганды техники, кончая искусством (утопии, научно-фантастические романы, произведения самых разных жанров, затрагивающие технические темы).

Но почему техногенная цивилизация переживает кризис и что он собой представляет? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вернуться в начало становления техногенной цивилизации и подумать над ее проектным характером. Проект предполагает реализацию, в случае социального проектирования по отношению к социальным объектам (социальности). А социальность существенно различалась в отдельных странах: историей, культурой, традициями, личностью правителя, особенностью поддерживающей его элиты, составом и культурой населения и рядом других моментов. Социальность объективна, она обуславливает направление развития страны, в том числе выбор демократических или авторитарных (и тоталитарных) форм управления. Например, в России социальность определила интерес к марксистскому проекту, способствовала победе большевиков, блокирует либерально-демократические институты, поддерживает доверие к существующей власти. С точки зрения типа государства и власти этот тип социальности лучше описывается проектом государства Гоббса. В США тип социальности

более отвечает проекту Локка и Монтескье.

Реализация проектов техногенной цивилизации («Ф. Бэкона», «Просвещения», «Образования», «Промышленности» и др.) тоже была обусловлена социальностью, правда, не отдельной страны, а в целом социальностью Европы. Например, последователи Ф. Бэкона были уверены, что все явления, в том числе социальные и антропологические, представляют собой природу, разные ее виды, но подчиняются единым вечным законам. Даже Кант еще так думал, считая, например, что природа рано или поздно заставит государства прекратить войны и прийти к миру. «Предварительное установление природы, – пишет он, – состоит в следующем: 1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех краях земли; 2) посредством войны она рассеяла людей повсюду, забросив их даже в самые негостеприимные края, чтобы заселить их; 3) войной же она принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени основанные на законе... Так же как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы...так, с другой стороны, она соединяет через взаимный корыстолюбивый интерес те народы, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны...Именно таким способом самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью, недостаточной, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели» [\[8, с. 26\]](#).

Но это оказалось не так, уже в XIX столетии некоторые мыслители поняли, что не существует вечных законов для разных типов природ (отсюда, например, во второй половине этого столетия была сформулирована известная оппозиция «наук о природе и наук о духе»). Что проект Бэкона, обещавший могущество и счастье человека (последнее убеждение разделяет Ф. Бон, утверждавший, что все цели развития техники подразумевают счастье человека [\[5, с. 26\]](#)), возможно нереализуем. На это указывали: разрыв в благосостоянии между бедными и богатыми, социальная несправедливость, мировые войны и ряд других факторов. Однако преимущества реализации проектов техногенной цивилизации долгое время все же перевешивали эти проблемы: благосостояние в целом возрастало, продолжительность жизни постепенно увеличивалась, образ жизни и возможности были достаточно удовлетворительные и разнообразные.

Таким образом, результат реализации проектов техногенной цивилизации был двойной: и положительный и негативный. Именно последнее обусловило, с одной стороны, выдвижение новых проектов (социалистов, Маркса, построения государства всеобщего благосостояния, религиозных), реализация которых мыслилась часто в том же техногенном ключе, с другой – постепенную девальвацию смысла техногенных проектов. В настоящее время эта девальвация достигла своего апогея: природа и техника стали пониматься не только как источник благосостояния, но и многих угроз (экологический кризис, пандемии, возможность гибели со стороны космоса, загрязнение естественной среды, техногенные катастрофы, гибель от ядерной войны и пр.); социальные институты техногенной цивилизации, особенно государство, во многом перестали выполнять свои функции и используются не по назначению (коррупция, рентостроительство, захват пассионарными сообществами, вменение населению нужных концепций и др.) [\[10\]](#). Не должны ли мы в связи с этим утверждать, что техногенная цивилизация (не наука и техника, а прежде всего европейский тип социальности) склоняется к своему закату и завершается как культура? Я склонен считать именно так, что не означает гибели, а переход к новому этапу жизни – становлению следующей большой культуры

«фьючекультуры». Вопрос, сохраниться ли при этом техногенная цивилизация – тема как дальнейших исследований, так и выбора человечеством способа своей дальнейшей жизни.

Библиография

1. Ахутин А. Понятие «природа» в античности и Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 205 с.
https://aspirant.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_44_4680/prochee/Akhutin__A._V._-Ponjatie_priroda_v_antichnosti_i_v_Novoe_vremja__fjusus_i_natura___M._1988.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное // Фернан Бродель Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. пер. с фран. Л.Е. Кубелля. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 609 с.
3. Бэкон Ф. Новый органон. М.: Соцэкгиз, 1935. 244 с.
4. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
5. Горохов В.Г. Философствующие инженеры и первые философы техники // Философия техники: история и современность. ИФРАН, 1997. С. 11-38.
6. Гюйгенс Х. Три мемуара по механике. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 377 с.
7. Естественное право. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Естественное_право.
8. Кант И. К вечному миру // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.p.
9. Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Перевод И.А. Шапиро М.: Государственное социально-экономическое издательство (СОЦЭКГИЗ), 1936. 266 с.
10. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
11. Кузанский Н. Об ученом незнании. URL: http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm.
12. Месяц С. Природа // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 346-352.
13. Нация. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нация>.
14. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. ИФ РАН. М., 1993. 213 с.
15. Рачков В.П. Техника и роль в судьбах человечества. Свердловск: Упринформпечать, 1991. 328 с.
16. Розин В.М. Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи «Вопрос о технике») // Философия науки и техники 2023. Т. 28. № 2. С. 49-62.
17. Розин В.М. Природа и генезис техники. М.: Де-Либри, 2024. 390 с.
18. Розин В.М. Становление экономики в Европе XVIII столетия как осознанной научной реальности и дисциплины // Философия науки и техники 2020. Т. 25. № 1. С. 81-95.
19. Розин В.М. Природа: Понятия и этапы развития в европейской культуре. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
20. Розин В.М. Становление технологии / Розин В.М. Природа и генезис техники. С. 173-179.
21. Сапрыкин Д.Л. «Научный орден» Френсиса Бэкона: зарождение научного общества нового типа. URL: <https://www.metodolog.ru/00392/00392.html>.
22. Степин В.С. Коренной перелом цивилизации // Экология и жизнь. – 2012 . № 5 . С. 10-14. URL: <http://www.ecolife.ru/exlibris/50398/>.
23. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
24. Хайдеггер М. Вопрос о технике. 1993. URL: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike.
25. Martin J. Francis Bacon, the State, and the Reform of Natural Philosophy. Cambridge UP, 1992. p. 72-171.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена обсуждению проблемных аспектов техногенной цивилизации. Избранная автором тема обладает несомненной актуальностью в теоретическом отношении, и, пожалуй, звучит злободневно, если говорить о её практическом, социально-экономическом и политическом, измерении. Последнее замечание связано с тем, что возможности развития человечества, открывшиеся в период формирования «проекта модерн», сегодня исчерпаны. Уже несколько десятилетий назад была констатирована невозможность дальнейшего «экстенсивного» развития человечества (что связано, прежде всего, с исчерпанием ресурсов и возникновением экологических проблем), а в последние годы всё убедительнее звучат голоса экономистов, обосновывающих взгляд о достижении пределов роста буржуазного общества, обусловленных изменением социально-экономических отношений и возникновением социальных групп, «не вписывающихся» в глобальный «западный проект». В этой связи автор статьи по нескольким направлениям «проблематизирует» концепцию техногенного общества и обсуждает возможности её критики или концептуального совершенствования. Так, он обращает внимание на использование В.С. Стёпиным, одним из исследователей, пытавшихся осмыслить проблемы техногенной цивилизации в рамках целостной концепции, помимо «культурологического дискурса» также «синергетический» и «системный» дискурсы. Однако, как отмечает автор статьи, при этом остаётся неопределённым вопрос о том, «каким образом связаны или соотносятся между собой эти два дискурса с культурологическим, можно ли, например, сказать, что цивилизация модерна сложилась в результате саморазвития определенной традиционной цивилизации, ... и какие точки бифуркации и факторы определили ее становление»? Кроме того, автор затрагивает вопросы типов традиционной цивилизации, выступавших в качестве предпосылки «общества модерн», соотношения периодов его становления и зрелости, вопросы глубоких различий между традиционными обществами, которые, действительно, трудно подвести под какое-либо единое понятие и при этом избежать его «выхолащивания», то есть того, что оно окажется крайне абстрактным. Автор справедливо указывает на то, что конкретный исторический материал не допускает подобного «формального» подхода, вследствие чего, те, кто пытались или пытаются выстроить некую единую схему развития человечества, неизбежно сталкиваются с трудностями, побуждающими совершать насилие над фактами. В процессе рассмотрения подобных трудностей автор привлекает множество интересных источников и критической литературы, демонстрирует читателю «открытость» этой проблематики, а тем самым и побуждает его к собственным размышлениям. Ещё активнее дискуссионный момент статьи звучит в её завершающей части, в которой автор высказывает «пессимистическую» точку зрения, заключающуюся в том, что «европейский тип социальности» «склоняется к своему закату и завершается как культура», и нас (может быть) ожидает «переход к новому этапу жизни – становлению следующей большой культуры», «фьючекультуры». При этом, осторожно замечает автор, окончательное решение остаётся за самим человечеством, на плечи которого в сложившейся драматичной ситуации лёг столь непростой выбор путей дальнейшего существования. Статья читается очень легко, может быть, имеет смысл на завершающем этапе работы над текстом структурировать его с помощью подзаголовков, выделить заключение как элемент статьи, содержащий теоретические выводы, сократить

громоздкие цитаты. Тем не менее, не приходится сомневаться, что даже в своём сегодняшнем виде статья найдёт благодарного читателя, рекомендую принять её к публикации в научном журнале.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Уфимцев А.Е., Смирнова М.М. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть первая // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.71876 EDN: BIDOQI URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71876

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть первая

Уфимцев Александр Евгеньевич

ORCID: 0009-0004-9788-5550

независимый исследователь

660122, Россия, Красноярский край, г. Красноярск, ул. Транзитная, 48, кв. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

Смирнова Марина Михайловна

независимый исследователь

668312, Россия, республика Тыва, село Межегей, ул. Ленина, 69, кв. 1

✉ knyam2020@mail.ru

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.71876

EDN:

BIDOQI

Дата направления статьи в редакцию:

03-10-2024

Аннотация: Работа посвящена концептуальному осмыслению тенденций развития научного знания. Обнаруженные закономерности носят универсальный характер и проявляются в ряде научных дисциплин. В разделе «Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в языкознании» приведены различные понимания антропоцентризма. Системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы рассмотрены сквозь призму теории знака. Теория знака распространена на другие области научного знания. На материале ряда научных дисциплин в соответствующих разделах статьи показана реализация системно-структурной и

биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм: в одних науках – в виде парадигм (языкознание), в других – в виде отдельных концепций, теорий и течений (литературоведение, точные науки, религиоведение). Кроме того, показана реализация системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм в трудах отдельных исследователей: «Структура научных революций» Т. С. Куна. Системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы сопоставлены с теорией знака. Выделены мета-парадигмы, соотносящиеся как план выражения и план содержания в теории знака. Мета-парадигма понимается как концептуально обобщённый свод научных представлений в ряде областей научного знания, как определяющая развитие научного знания система из множества парадигм в различных научных дисциплинах. В статье рассмотрена теория знака в междисциплинарном аспекте. Сделан вывод, что дифференцируя различные понимания антропоцентризма, можно понимать антропоцентризм предельно интегрированно, т.е. как учёт суммы ограничений на пути воплощения знаковой системы в языковой и речевой деятельности субъекта – и суммы ограничений на пути реализации субъекта в знаковой системе и речевой деятельности. Сделано предположение, что язык детерминирован видом мышления, присущим пользующимся им субъектам. Сделано предположение о связи сигнальных систем и мышления. Введены новые термины: биоэссенциальный детерминизм, биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма, системно-структурная мета-парадигма. Системно-структурная мета-парадигма понимается как мета-парадигма формально-ориентированного характера, биоэссенциально-детерминистическая – как сущностно-ориентированная мета-парадигма. Даны характеристики системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм на примере языкознания. Показана универсальность характера смены мета-парадигм. В настоящее время системно-структурная мета-парадигма сменяется на биоэссенциально-детерминистическую.

Ключевые слова:

парадигма, смена парадигм, мета-парадигма, метапарадигма, системно-структурная парадигма, антропоцентрическая парадигма, системно-структурная мета-парадигма, биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма, биоэссенциальный детерминизм, теория знака

посвящается нашему дорогому и близкому другу Надежде Николаевне Бебриш

Суха, мой друг, теория везде,

А древо жизни пышно зеленеет.

(И.В. фон Гёте «Фауст»,

пер. Н.А. Холодковского)

Введение

В настоящей работе на примерах из различных областей научного знания показана универсальность характера смены парадигм – что позволяет говорить о мета-парадигмах, проявляющихся в любых отраслях знания в виде парадигм или отдельных концепций. Под мета-парадигмой понимается концептуально обобщённый свод систем представлений (парадигм) в различных науках. Смена мета-парадигм носит системный

характер.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы: языкознание

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы берут начало в языкознании: это системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы соответственно. Системно-структурная парадигма рассматривает язык как систему, в которой каждый элемент занимает свое место в соответствии с определёнными формальными требованиями. Антропоцентрическая парадигма рассматривает язык с позиций носителя.

Анализируя историю вопроса, В. М. Алпатов пишет о двух разных и несовместимых друг с другом взглядах на язык: **абстрактный объективизм** и **индивидуалистический субъективизм**, выделенные В. Н. Волошиновым; **системоцентричный** и **антропоцентричный** подходы к изучению языка, описанные Е. В. Рахилиной [\[1, с. 202-205\]](#). В. М. Алпатов отмечает: спор этих двух течений в языке идёт уже более двух тысячелетий [\[1, с. 208\]](#). В настоящее время эти течения рассматриваются как системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы.

В. Н. Волошинов называет основные черты абстрактного объективизма:

- 1) *Язык есть устойчивая неизменная система нормативно тождественных языковых форм, преднаходимая индивидуальным сознанием и непререкаемая для него.*
- 2) *Законы языка суть специфические лингвистические законы связи между языковыми знаками внутри данной замкнутой языковой системы. Эти законы объективны по отношению ко всякому субъективному сознанию.*
- 3) *Специфические языковые связи не имеют ничего общего с идеологическими ценностями (художественными, познавательными и иными). Никакие идеологические мотивы не обосновывают явления языка. Между словом и его значением нет ни естественной и понятной сознанию, ни художественной связи.*
- 4) *Индивидуальные акты говорения являются, с точки зрения языка, лишь случайными преломлениями и вариациями или просто искажениями нормативно тождественных форм; но именно эти акты индивидуального говорения объясняют историческую изменчивость языковых форм, которая как такая с точки зрения системы языка, иррациональна и бессмысленна. Между системой языка и его историей нет ни связи, ни общности мотивов. Они нужны друг другу (курсив авторский) [\[2, с. 63-64\]](#).*

В. Н. Волошинов перечисляет основные черты индивидуалистического субъективизма:

- 1) *язык есть деятельность, непрерывный творческий процесс созидания (energeia), осуществляемый индивидуальным и речевыми актами;*
- 2) *законы языкового творчества суть индивидуально-психологические законы;*
- 3) *творчество языка — осмысленное творчество, аналогичное художественному;*
- 4) *язык как готовый продукт (ergon), как устойчивая система языка (словарь, грамматика, фонетика) является как бы омертвевшим отложением, застывшей лавой языкового творчества, абстрактно конструируемым лингвистикой в целях практического научения языку как готовому орудию (курсив авторский) [\[2, с. 53-54\]](#).*

В. Н. Волошинов отмечает: основные черты абстрактного объективизма являются антитезисами соответствующих основных черт индивидуалистического субъективизма [2, с. 64]. Таким образом, системно-структурная парадигма (абстрактный объективизм в понимании В. Н. Волошинова) и антропоцентрическая (индивидуалистический субъективизм в понимании В. Н. Волошинова) зеркально противоположны.

Есть различные понимания антропоцентризма. Так, Н. В. Бугорская отмечает: термины **антропоцентризм**, **антропологизм** и **антропный принцип**, имея общей идеей отражение человеческого фактора в языке, не являются тождественными [3, с. 19]. Кроме того, Н. В. Бугорская приводит три варианта понимания антропоцентризма, подчёркивая, что указанные понимания не являются сводимыми друг ко другу в рамках одного определения:

- антропоморфизм (т.е. антропоцентризм как свойство языка);
- интуитивизм (т.е. антропоцентризм как метод анализа языковых явлений);
- гуманитаризация языка лингвистического описания (т.е. антропоцентризм как модель) [3, с. 24].

Д. И. Иванов и Д. Л. Лакербай подчёркивают: *«Антропологизм в лингвистике – это опора на те начала в языке (коллективные и индивидуальные), которые несут печать субъекта речевой деятельности, а не только обезличенной языковой системы»* (курсив авторский) [4, с. 82].

Мы считаем, что, дифференцируя различные понимания антропоцентризма, можно в то же время понимать антропоцентризм предельно интегрированно: как учёт суммы различных проявлений биоэссенциально детерминированных ограничений на пути воплощения знаковой системы в языковой и речевой деятельности субъекта – и суммы различных проявлений биоэссенциально детерминированных ограничений на пути реализации субъекта в знаковой системе и речевой деятельности.

Таким образом, можно говорить об определённых общих закономерностях в виде системно-структурной и антропоцентрической парадигм.

В языкознании в рамках теории знака выделяют план выражения знака и план содержания знака – т.е. форму и содержание. Если форму понимать как жёстко заданный каркас для содержания, а содержание понимать как определённую сущностную наполненность, в русле которой реализуется форма, то логично вытекает следующее: детерминированность формальными принципами есть частный случай реализации системно-структурной парадигмы, а проявленность внутренней сути содержания – результат воплощения антропоцентрической парадигмы.

Таким образом, можно сказать, что план содержания является сущностной характеристикой знака, а план выражения – формальной. В таком случае если план выражения знака несёт в себе смысловозначительную функцию, то формальная сторона знака становится элементом сущностной – т.е. план выражения становится планом содержания. Это позволяет выстроить определённую систему знаков по формальным признакам, имеющим сущностные характеристики. Следовательно, системный структурализм реализует матричный подход (т.е. матрица системы заполняется определённым содержанием по определённым формальным критериям). По сути, системный структурализм представляет собой пустую матрицу – набор определённых

предписаний, которым должен соответствовать тот или иной элемент, чтобы попасть в тот или иной раздел; само название **системный структурализм** говорит об этом.

Противоположностью системному структурализму можно назвать парадигму, предполагающую учёт внутренней сущности содержания для придания ему той или иной формы; мы предлагаем такое название: **биоэссенциальный детерминизм**. Сущностная обусловленность содержания определяет то, какой будет форма.

Если в системно-структурной парадигме тональность задаёт форма, то в биоэссенциально-детерминистической парадигме тональность определяется содержанием – т.е. обусловлена тем содержанием, которое в состоянии усвоить сознание, имеющее определённые ограничения в виде тела, в которое заключено. **Биоэссенциальный детерминизм** в буквальном переводе значит *суть, обусловленная жизнью*, или *обусловленность жизненной сущью*, и утверждает биосоразмерность научного знания – и как частный случай, человекомерность научного знания.

Следовательно, в рамках системно-структурной парадигмы реализуется формальный подход, а в русле биоэссенциально-детерминистической – осуществляется сущностный. Формальный подход – это всегда определённые рамки, а сущностный подход предполагает свободное развитие в некотором русле. Можно уподобить системно-структурную парадигму плану выражения знака: ключевым является формальное соответствие определённым критериям, – а антропоцентрическую парадигму – плану содержания знака: ключевыми являются сущностные характеристики знака. Тогда можно сказать, что любой знак, любое явление есть конкретно выраженный результат взаимодействия предельно абстрактных формально-ориентированной и сущностно-ориентированной мета-парадигм, проявляющихся как тенденции в виде противопоставлений – бинарных оппозиций: статика и динамика, система и процесс, рамки и русло, матрица и заполнение матрицы, рациональное и иррациональное соответственно.

Следовательно, частным случаем биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в языкознании является антропоцентрическая парадигма. Смену парадигм от системного структурализма к антропоцентризму (или, в более широком смысле, к биоэссенциальному детерминизму) можно назвать антропоцентрическим поворотом.

Рассуждая об эпистемологии в контексте смены парадигм в лингвистике, Р. М. Фрумкина отмечает, что актуален выбор одной из двух позиций:

- стремление представить язык таким, каков он есть "на самом деле", вне зависимости от субъекта, который язык описывает;
- ориентация на качество самого описания, желая сделать его максимально прозрачным и убедительным.

Р. М. Фрумкина подчёркивает: «Конечно, в принципе любой лингвист хотел бы совместить (1) и (2) — описать то, что "есть" и сделать это "красиво". Надо помнить, однако же, что это разные критерии» [\[5, с. 65\]](#). Следовать стремлению представить язык максимально объективно – значит описать язык системно-структурно, а ориентироваться на прозрачность и убедительность описания – значит описать язык с учётом биоэссенциальной детерминированности его носителя. Однако в то же время системно-структурное описание языка производится исходя из формальных позиций, а описание языка с учётом биоэссенциальной детерминированности его носителя делается исходя из сущностных критериев. Таким образом, мы видим, как бинарные оппозиции **форма** и **содержание**, причудливо переплетаясь в теории знака в виде плана выражения и

плана содержания и обретая друг друга в самих себе: форма обретает содержание, становясь сущностной характеристикой, а содержание обретает форму, становясь формально значимым критерием, – являются диалектически взаимосвязанными в пределах лингвистики в частности и научного знания в целом, определяя тренды развития научного знания.

Можно сформулировать так: язык – это определённая система, речь – это живой процесс, обусловленный особенностями живого существа. Отметим, что в отличие от языка, речь является высшей психической функцией. Можно предположить, что язык есть достояние формально-ориентированной системно-структурной мета-парадигмы, а речь – достояние сущностно-ориентированной биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы.

Если системный структурализм изучает язык, а антропоцентризм – человека в языке и язык в человеке, то биоэссенциальный детерминизм изучает язык с учётом наличия в нём биоэссенциально-детерминированного субъекта – человека. Тогда можно изучать язык и других живых существ – дельфинов, муравьёв, пчёл, крыс, – и их языковые способности будут ограничены их телесными возможностями – любой язык является биоэссенциально детерминированным; тогда как антропоцентризм предполагает изучение языка только человека. Язык детерминирован видом мышления, присущим пользующимся им субъектам: так, пример языка на уровне конкретно-действенного мышления – танец пчёл; пример языка на уровне зачатков наглядно-образного мышления – отдельные вокализации, или лучше воспользоваться термином из теории фонопедического метода развития голоса (ФМРГ) [\[6, с. 53\]](#) – голосовые сигналы доречевой коммуникации, у животных; пример языка на уровне словесного мышления – язык как инструмент вербальной коммуникации у людей; пример языка на уровне абстрактного мышления – язык как инструмент мышления у людей. Отметим, что признание детерминированности языка видом мышления позволяет ответить на вопрос о том, какова цель языка: коммуникативная или когнитивная. Однако, возможно, ответ на этот вопрос принадлежит не языкознанию, а психолингвистике.

Осмысливая концепцию И. П. Павлова о двух сигнальных системах [\[7, с. 336-337\]](#) вслед за И. И. Булычевым [\[8, с. 26-31\]](#), а также за Е. И. Славутиним и В. И. Пимоновым [\[9, с. 46-55\]](#), мы можем сделать вывод, что первая сигнальная система может пониматься как реализация эволюционно более древнего конкретно-действенного и связанного с появлением зеркальных нейронов наглядно-образного видов мышления, а вторая сигнальная система – как реализация словесного (словесно-логического и словесно-образного) и абстрактного (абстрактно-логического и абстрактно-художественного) видов мышления. Отметим, что И. И. Булычев признаёт в качестве онтологической структуру сознания, включающую сенсорный, семиотический и семантический виды сознания [\[8, с. 31\]](#) (которые мы соотносим с конкретно-действенным, словесным и абстрактным видами мышления соответственно) – следовательно, языковая способность любого живого существа биоэссенциально детерминирована его уровнем сознания (или видом мышления), и потенциально есть у каждого живого существа. Возможно, это звучит из области фантастики, но если «перенести» сознание живого существа в другое, более совершенное с точки зрения мышления, тело, то это в лучшую сторону повлияет на его врождённые языковые способности.

Мы действительно живём в языке. Однако определяя реализацию языковой способности видом мышления, мы переходим в плоскость психолингвистики.

Человеческий язык изначально биоэссенциально детерминирован – т.о., биоэссенциализм шире, чем антропоцентризм; антропоцентризм может рассматриваться как шаг в сторону биоэссенциализма. Таким образом, антропоцентрическая парадигма есть частный случай биоэссенциального детерминизма, реализуемого на материале человеческого языка.

Системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм, будучи диалектически связанными друг с другом, соотносятся между собой как план выражения и план содержания в теории знака, получившей развитие именно в рамках системно-структурной парадигмы в языкознании. Параллели очевидны, и это объясняет то, что пример из языкознания приведён первым как задающий тональность работы. Образно говоря, системный структурализм и биоэссенциальный детерминизм – это две стороны одной медали, это две тенденции, мета-парадигмы, одновременно существующие в языке и различно проявляющиеся. Язык не является абстрактной знаковой системой, ведь на нём говорят живые люди – как и нет сомнений, что язык изначально биоэссенциально детерминирован – просто эта обусловленность носила имплицитный характер и стала проявляться по мере увеличения антропоцентрического поворота.

В. М. Алпатов отмечает: «Можно говорить о том, что в истории науки о языке постоянно идет борьба стремления к строгому изучению своего объекта по образцу естественных наук, с опорой на наблюдаемые факты, и желания рассматривать язык вместе с говорящим на нем человеком, с учетом интуиции, интроспекции и творческих способностей людей [\[10, с. 18\]](#). В.М. Алпатов продолжает: подход, достигший максимума в структурализме, рассматривает язык как замкнутую систему, вещь в себе, и даёт чёткие, но ограниченные результаты, хотя и стремится к упорядочению – тогда как антропоцентрический подход стремится к междисциплинарным исследованиям, расширению границ и постановке глобальных задач, при этом имея недостаток произвольность и отсутствие строгого метода. На выделении и описании различий этих двух противоположных и диалектически связанных трендов развития лингвистической науки можно было бы и остановиться, но далее В.М. Алпатов заключает: «В какой-то мере можно считать, что он (*антропоцентрический подход; прим. наше*) увеличивает хаос. Наше время — скорее эпоха движения в такую сторону. <...> Оба подхода неустранимы из развития науки, хотя в разные эпохи на первый план может выходить то один, то другой из них» [\[10, с. 18\]](#). Можно сделать вывод, что в настоящее время усиливается роль биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в науке в целом и в лингвистике в частности – и это носит системный характер, что будет показано в ходе работы далее на примерах из других научных дисциплин.

Д. И. Иванов и Д. Л. Лакербай подчёркивают: «метадисциплинарная теория должна не *привнести* извне, а *открыть* потенциал универсализации в самих разнородных объектах – как их собственный неотчуждаемый план, их собственную эссенциальную характеристику». <...> Для феноменов культуры и языка эта эссенциальность связана с антропологическим фактором» (*курсив авторский*) [\[4, с. 85\]](#). Выявленные закономерности в виде описания двух противоположных и диалектически связанных мета-парадигм, понимаемых как концептуально обобщённые своды научных представлений на мета-научном уровне, а также процесс смены мета-парадигм, носят универсальный характер. В языкознании системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы проявляются как системно-структурная и антропоцентрическая парадигмы соответственно.

Системно-структурная мета-парадигма на примере языкознания – это узкая

специализация; статика; логика; опора на сознательное; строгость и упорядоченность по В. М. Алпатову; абстрактный объективизм по В. Н. Волошину: устойчивая неизменная система, законы языка имеют специфически лингвистическую причинность и не имеют аксиологического смысла, акты речи есть случайное преломление норм языка как застывшей системы; системоцентричный подход по Е. В. Рахилиной; рассматривает язык как замкнутую систему; формально-ориентированный подход.

Биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма на примере языкознания – это широкая междисциплинарность; динамика; интуитивизм, интуиция; опора на бессознательное; хаос и произвольность по В. М. Алпатову; индивидуалистический субъективизм по В. Н. Волошину: непрерывная творческая деятельность, законы языкового творчества психологически обусловлены и имеют смысл, живая речь пользуется языком как готовым продуктом; антропоцентричный подход по Е. В. Рахилиной; рассматривает язык как открытую систему; сущностно-ориентированный подход.

Смена мета-парадигм как трендов развития науки носит системный характер. Как было показано ранее, спор двух течений в языкознании идёт уже длительное время. В настоящее время происходит смена системно-структурной мета-парадигмы на биоэссенциально-детерминистическую.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы в других отраслях научного знания: литературоведение

В каком-то смысле предтечей биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы на примере произведений западно-европейской литературы можно считать роман «Фауст» И. В. фон Гёте: познавший все науки Фауст заключает пари с Мефистофелем, согласно которому тот исполняет все желания Фауста в обмен на его душу – до тех пор, пока Фауст не выразит радость жизни (т.е. в определённой ситуации скажет определённые слова – восхитившись жизнью, воскликнет: «Мгновенье, прекрасно ты, продлись, постой!») [\[11, с. 72-74\]](#). По сути, теперь Фаусту либо придётся жить вечно только лишь бы не говорить этих зловещих слов, либо душа Фауста рано или поздно станет принадлежать Мефистофелю. Для Фауста выразить радость жизни и при этом вернуть свою душу Богу, а не проиграть её Мефистофелю оказывается возможным только при переходе в русло биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы – когда Фауст решает посвятить свою жизнь служению людям и воплощает решение в действительность. Когда мерилом действий Фауста становится человек, а смыслом жизни – служение людям с учётом их потребностей и своих возможностей, а не некая система в виде уговора.

В некотором упрощённом приближении проявлением системно-структурной мета-парадигмы в литературоведении можно признать классицизм, а биоэссенциально-детерминистической – романтизм. Классицизм мы узнаём прежде всего по форме: классицизм предполагает чёткое следование определённому канону, – в содержательной части классицизм делает выбор между чувством и долгом в пользу последнего; тогда как романтизм мы определяем преимущественно по содержанию, и романтизм предполагает выбор между чувством и долгом в пользу чувства.

Что есть долг и что есть чувство? Долг – это предписание того, как следует поступить, вполне чёткое и определённое; долг может иметь рациональную природу. Долг – это реализация ментальной схемы «надо». Долг – это требование действовать, направленное от внешнего мира к человеку, это вектор извне вовнутрь. Чувство – это

побуждение действовать, притом не обязательно определённое; чувства могут иметь иррациональную природу. Чувство – это реализация ментальной схемы «хочу». Чувство – это побуждение действовать, направленное от человека, это вектор изнутри вовне. Так как нужно поступать, чему нужно следовать – внешнему «надо» или внутреннему «хочу»? Разумным видится следующее решение: когда внешнему «надо» соответствует внутреннее «хочу». Ментальная схема «хочу» реализуется словно изнутри, и чем сильнее чувство, тем более глубоко внутри залегает его начало. Ментальная схема «надо» реализуется извне, и чем сильнее требования, предъявляемые извне вовнутрь, тем более значимые аспекты внешнего мира она затрагивает. Однако отметим, что ответ на вопрос соотношения долга и чувства выходит за рамки литературоведения и принадлежит психологии, и будет рассмотрен в соответствующем разделе. Поэтому остановимся на том, что обозначим долг и чувство, «надо» и «хочу», рациональное и иррациональное как абстрактные тенденции, которые можно определить как системно-структурную и биоэссенциально-детерминистическую мета-парадигмы соответственно. Можно заметить, что крайние степени проявления системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм реализуются в течениях классицизма и романтизма соответственно, а причудливо смешиваясь в различных пропорциях, дают другие течения: модерн, постмодерн, мета-модерн и т.д., – но всегда возможно выделить эти две тенденции как бинарные оппозиции в любом из течений в той или иной пропорции.

Однако в то же время можно заметить, что в литературоведении, в отличие от языкознания, указанные мета-парадигмы существуют скорее в скрытом виде и проявляются в виде отдельных концепций – т.е. течений.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая

мета-парадигмы в других отраслях научного знания:

точные науки

Говоря о парадигмах в точных науках, поясним, что в данной работе речь идёт не о реальности, и не о наших представлениях о реальности, а о наших представлениях о наших представлениях о реальности – и как философы, мы имеем на это полное право.

В самом деле, меняются наши представления о реальности, переходя из одной парадигмы в другую, но сама реальность остаётся прежней – хотя, с другой стороны, мы меняем реальность в соответствии со своими представлениями о ней: строим ракеты, запускаем адронный коллайдер, справляемся со считавшимися ранее неизлечимыми заболеваниями, помогаем реабилитироваться людям с ограниченными возможностями здоровья, и т.д. – и всё это осуществляется благодаря меняющимся представлениям о реальности. Было время – и человечество жгло еретиков на кострах, вело завоевание земель с захватом людей в качестве рабов, а детский труд использовался на тяжёлых производствах, и т.п.; делалось это в соответствии с тогдашними представлениями человечества о реальности. Отметим, что сейчас подобные представления о реальности кажутся нам дикими, и это прекрасно – однако неизвестно, что о нас скажут потомки.

Таким образом, представления человека о мире предопределяют его поведение в мире. В реальность претворяется то, что считается идеальным для этого; реальный вид обретает то, что является для этого идеальным. Идеалы служат путеводной звездой для человечества – и идеалы реализуют себя через действия человечества. Идеи правят миром. От абстракции к конкретике, от теории к практике. Предельно абстрактные идеи предельно конкретно воплощаются. Что это, если не математика?..

Повторимся: говоря в данной работе о развитии научного знания в различных областях, мы прежде всего говорим о нашем понимании наших знаний о реальности. Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы отражают в систематизированном виде не столько наши знания об окружающем мире, сколько наши знания о наших знаниях об окружающем мире.

При этом стоит отметить, что математические законы дедуктивно отражают реальность – т.е. математика фактически определяет реальность. Математика – это идеи в чистом виде, так или иначе преломляющиеся и воплощающиеся в материальном мире, и являющиеся достоянием других наук – а значит, математика имплицитно присутствует во всём. Пифагор утверждает: числа и символы правят миром – мы можем понимать под этим наличие скрытых закономерностей, управляющих миром.

Настоящая работа посвящена концептуальному осмыслению тенденций научного знания, и выявленные закономерности мы можем обнаружить на материале любой науки – в т.ч. математики.

Так, на базе изложенных в «Началах» Евклида аксиом – интуитивно понятных человеку утверждений, принимаемых на веру и истинность которых недоказуема, – построено здание науки, постижение которой требует мышления высшего вида – абстрактного-логического. В. А. Еровенко и Н. В. Михайлова отмечают: «фактически абстрактная математика – это отчасти эмпирическое исследование некоторых аспектов природного мира, точнее той его части, которая отражается в определённой коммуникативной деятельности сообщества математиков по созданию новых форм, позволяющих оперировать ими с помощью созданных идеальных объектов [\[12, с. 37\]](#). Возможно, это кажется абсурдом, но в случае с математикой Знание начинается с Веры: рациональный дискурс имеет под собой иррациональный базис, в основе Рацио лежит Иррацио. Н. Н. Ярыгин указывает: «объективное научное знание в итоге имеет гипотетические основания, подверженные постоянному пересмотру и изменению. Аксиомы, постулаты и определения принимаются, таким образом, на веру в качестве рабочих гипотез. <...> Вера как активное состояние сознания человека способствует ему в познании действительности. <...> Таким образом, вера в научном познании способствует поиску новых знаний, принятию и закреплению их в сфере объективного знания» [\[13, с. 29\]](#), и далее исследователь делает вывод о том, что вера в научном познании биоэссенциально детерминирована [\[13, с. 29\]](#).

В то же время попытка доказать принятое на веру положение может привести к построению принципиально новых теорий – так, В. М. Розин отмечает, что геометрия Н. Лобачевского была построена учёным, когда тот «хотел всего лишь доказать от обратного пятый постулат евклидовой геометрии» [\[14, с. 384\]](#).

Приведем пример из физики: известно, что т.н. классическая Ньютонова физика суть частный случай теории относительности Эйнштейна. Это значит, что в конкретных условиях для конкретных целей конкретные явления можно с достаточной степенью приближённости описать при помощи более простой и интуитивно понятной теории, а точностью теории более общего порядка в таких случаях можно пренебречь. При этом более простая и интуитивно понятная теория (т.н. классическая физика) фактически является упрощённым вариантом теории более общего порядка – т.е. теории относительности.

Возможно, обе теории относительности (общая теория относительности – ОТО, – и

специальная теория относительности – СТО) в свою очередь также являются упрощённым вариантом некоей предельно абстрактной Теории Всего, до сих пор будоражащей умы теоретиков.

Однако предоставим математикам и физикам возможность самим внести ясность относительно мета-парадигмального осмысления внутри этих наук. В настоящей статье примеры из математики и физики носят скорее иллюстративный характер.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в других отраслях научного знания: религиоведение

Для современного человека, воспитанного в русле христианской этики, системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы наиболее ярко представлены на примере Библии: книги Ветхого Завета воплощают достояние системно-структурной мета-парадигмы, а книги Нового Завета – биоэссенциально-детерминистической. В Ветхом Завете представлен свод правил, которым должен следовать человек (Ветхий Завет, кн. Второзаконие, главы 4-30) – тогда как в Новом Завете красной нитью проходит мысль, что человек является мерилom всех вещей.

Более того, Иисус Христос, согласно Новому Завету провозгласивший: не человек для закона, а закон – для человека, – может считаться предтечей биоэссенциально-детерминистической мета-парадигмы в западноевропейской цивилизации. Произнося Нагорную проповедь, Христос ссылается на Пятикнижие Моисеево, входящее в состав Торы и содержащее набор правил и предписаний для праведного иудея на все случаи жизни: 248 разрешительных правил и 365 – запретительных [\[15, с. 77-78\]](#). Мы можем сделать вывод, что вся жизнь праведного иудея подчинялась жёсткому регулированию правилами – как будто человек жил для правил, а не правила существовали для человека.

Иисус Христос в Нагорной проповеди так и говорит: «Вы слышали, что сказано: око за око и зуб за зуб. А Я говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два (Новый Завет, кн. Евангелие от Матфея, гл. 5 ст. 38-41). Спустя почти две тысячи лет И. А. Бродский в «Актной речи» метафизически осмысливает эти слова Иисуса Христа: смысл противостояния Злу – в доведении Зла до его абсурда, – и приводит примеры, когда этика, построенная на неверном толковании – непротивление Злу вплоть до попустительства, – заводит своих последователей в тупик или вовсе приводит их к гибели [\[16, с. 275-280\]](#); слом парадигм, описанный в Новом Завете, оказался настолько мощным, что на его осознание потребовались тысячелетия.

Таким образом, согласно Новому Завету, Иисус Христос дал иудеям концептуально переосмысленное учение, в котором правила были для человека, а не человек для правил. Однако иудеи не приняли Христа, и потому распяли. Неприятие иудеями Иисуса Христа можно объяснить парадигмальным кризисом в сознании иудеев того времени – слом парадигмы оказался слишком болезненным.

Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы в трудах отдельных исследователей:

Т. С. Кун «Структура научных революций»

Согласно Т. С. Куну, парадигма есть комплекс представлений, который разделяется учёными. Учёные накапливают факты, объединяют их и систематизируют, и передают другим учёным – так возникает парадигма, своеобразная матрица; это стадия нормальной науки. При определённых условиях эта матрица взрывается – рушится старая парадигма, и появляется новая система координат – так происходит научная революция. Со временем научные революции сглаживаются, и наука продолжает развиваться на стадии нормальной науки.

Т. С. Кун описывает последовательность развития научного знания: нормальная наука – научная революция. Под нормальной наукой понимается количественный рост научного знания, под научной революцией – качественное переосмысление научного знания. Развитие научного знания носит ступенчатый характер. По сути, теория научных революций Т. С. Куна – это закон перехода количественно-качественных изменений: накапливается количество фактов о реальности, и когда оно достигает критического значения, происходит качественный рост знания о реальности. Т. С. Кун отмечает: «в той мере, в какой книга обрисовывает развитие науки как последовательность связанных между собой узлами традиции периодов, прерываемую некумулятивными скачками, мои тезисы, без сомнения, широко применимы» [\[17, с. 208\]](#). Можно сделать вывод: язык одной парадигмы непереводим на язык другой без потерь.

Природа нормальной науки: установление значительных фактов, сопоставление фактов и теории, разработка теории [\[17, с. 34\]](#); решение головоломок; существование жёстко определённой сети предписаний [\[17, с. 42\]](#); нормальная наука – кумулятивное предприятие, имеющее целью расширение пределов научного знания и его уточнение [\[17, с. 52\]](#); нормальная наука не ставит целью нахождение нового факта или теории [\[17, с. 52\]](#); «если оказывается, что достигнуть решения (головоломки – *прим. наше*) невозможно, то это дискредитирует только ученого, но не теорию» [\[17, с. 80\]](#); «нормальная наука в конце концов приводит только к осознанию аномалий и к кризисам» [\[17, с. 122\]](#); Кроме того, из контекста становится понятным следующее: статичное развитие научного знания; количественный рост научного знания; наука развивается кумулятивно – что в совокупности составляет парадигму нормальной науки.

Природа научной революции: новая теория возникла только после резко выраженных неудач в деятельности по нормальному решению проблем [\[17, с. 75\]](#); разрешение кризиса в каждом из кризисных периодов было, по крайней мере частично, предвосхищено в течение периода, когда в соответствующей науке не было никакого кризиса, но при отсутствии кризиса эти предвосхищения игнорировались [\[17, с. 75\]](#); в результате кризиса правила нормального решения головоломок ослабляются, что приводит к возникновению новой парадигмы [\[17, с. 80\]](#); «любой кризис начинается с сомнения в парадигме и последующего расшатывания правил нормального исследования» [\[17, с. 84\]](#); «часто новая парадигма возникает, по крайней мере в зародыше, до того, как кризис зашел слишком далеко или был явно осознан» [\[17, с. 86\]](#); «ученый в кризисный период будет постоянно стараться создать спекулятивные теории, которые в случае успеха могут открыть путь к новой парадигме, а в случае неудачи могут быть отброшены без глубокого сожаления» [\[17, с. 87\]](#); «новая парадигма или подходящий для нее вариант, обеспечивающий дальнейшую разработку, возникает всегда сразу, иногда среди ночи, в голове человека, глубоко втянутого в водоворот кризиса» [\[17, с. 89-90\]](#); «почти всегда люди, которые успешно осуществляют фундаментальную разработку новой парадигмы,

были либо очень молодыми, либо новичками в той области, парадигму которой они преобразовали. И, возможно, этот пункт не нуждается в разъяснении, поскольку, очевидно, они, будучи мало связаны предшествующей практикой с традиционными правилами нормальной науки, могут скорее всего видеть, что правила больше не пригодны, и начинают подбирать другую систему правил, которая может заменить предшествующую» [17, с. 90]; аномалии и кризисы разрешаются не средствами нормальной науки, а «благодаря в какой-то степени неожиданному и неструктурному событию», проблеску озарения, интуитивной догадке [17, с. 122]. Кроме того, из контекста становится понятным следующее: динамичное развитие научного знания; крушение установленных правил и предписаний; качественный рост научного знания; наука развивается некумулятивно – что в совокупности составляет парадигму научной революции.

Закономерности, описанные Т. С. Куном, носят универсальный характер. По сути, в работе Т. С. Куна под нормальной наукой представлена системно-структурная мета-парадигма, а под научной революцией – биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигма. Кроме того, отметим, что развитие научного знания в научном сообществе изначально биоэссенциально детерминировано.

Библиография

1. Алпатов В. М. Два подхода к изучению языка // История и современность. 2016. № 1 (23). С. 198–220. EDN WAYDFZ.
2. Волошинов В. Н. (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Комментарии В. Махлина. М.: «Лабиринт». 1993. 194 с.
3. Бугорская Н. В. Антропоцентризм как категория современного языкознания // Вопросы психолингвистики. 2004. № 2. С. 18–25. EDN LAUJPI.
4. Иванов Д. И., Лакербай Д. Л. Антропоцентрическая парадигма и лингвоориентированная гуманитарная теория // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 11–2(65). С. 81–86. EDN WWXNQD.
5. Фрумкина Р. М. «Теории среднего уровня» в современной лингвистике. Журнал «Вопросы Языкознания». Российская академия наук. Отделение литературы и языка РАН, 1996. М.: «Наука», 1996, № 2. С. 55–67.
6. Емельянов В. В. Развитие голоса. Координация и тренинг : учебное пособие / 9-е изд., стер. Санкт-Петербург: Лань: ПЛАНЕТА МУЗЫКИ, 2020. 168 с.
7. Павлов И. П. Полное собрание сочинений. Том 3. Книга 2. М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. 435 с.
8. Булычев И. И. К вопросу об онтологической структуре сознания // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1997. № 2(6). С. 26–31. EDN NUVTYR.
9. Славутин Е. И., Пимонов В. И. Проблема происхождения языка в философско-семиотическом аспекте // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2014. № 2(10). С. 46–55. EDN SIYDTR.
10. Алпатов В. М. Что и как изучает языкознание // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 7–21. EDN UBEBEJ.
11. Гёте И. В. Фауст. Пер. с немецкого Н.А. Холодковского. Санкт-Петербург, Издательство «Азбука». 2000. Текст печатается по изданию: Гётё И.-В. Собр. Соч.: В 13 т. М., 1947. Т. 5. 520 с.
12. Еровенко В. А., Михайлова Н. В. «Начала» Евклида в мировоззренческом аспекте современной философии математики // Математические структуры и моделирование.

2023. № 1(65). С. 34–45. DOI: 10.24147/2222-8772.2023.1.34-45. EDN GFOPHL.

13. Ярыгин Н. Н. Вера в научном познании // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2011. № 2–4. С. 26–30. EDN OYFGZP.

14. Розин В. М. Математика: становление, обоснование, разрешение кризиса // Идеи и идеалы. 2023. Т. 15, № 1–2. С. 372–387. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-372-387. EDN IBIKUJ.

15. Моше бен Маймон. Книга заповедей. М.: Книжники; Лехаим, 2013. 629 с.

16. Бродский И. А. Актовая речь // Сочинения Иосифа Бродского в 7 томах. Том 5. СПб.: Пушкинский фонд, 2001. 376 с.

17. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions / 3rd ed. University Of Chicago Press, 1996. 226 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования статьи «Системно-структурная и биоэссенциально-детерминистическая мета-парадигмы. Часть первая» выступает рост и развитие научного знания. Автор статьи не ограничивается анализом какой-то одной научной области, а предпринимает попытку осмыслить весь процесс развития науки как единого смыслового поля. Автор размышляет о парадигмальных основаниях роста знания, различая «мета-парадигму», «парадигму» и «отдельные научные концепции». «Мета-парадигмой» автор называет обобщённый свод систем представлений (парадигм) в различных науках. Целью статьи является показать универсальность характера смены парадигм и существование Системно-структурной и Биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм. Под первой он понимает ориентацию на формально-логический подход в науке, под второй – влияние особенностей живого организма, и уже – человеческого организма, на научную теорию.

Методологией исследования, используемой автором статьи, является философская абстракция. Автор четко обозначает, что ведет речь не столько о познании, сколько об осмыслении процесса познания, пытается представить в «систематизированном виде не столько наши знания об окружающем мире, сколько наши знания о наших знаниях об окружающем мире».

Актуальность исследования не обозначается автором, она и не очевидна, поскольку исследование располагается в области философии науки и потому достаточно абстрактно, однако оно явно приставляет теоретический интерес.

Научная новизна связана с доказательством ключевого тезиса – смена мета-парадигм носит системный характер, и иллюстрации этого процесса на примере различных наук.

Стиль статьи – абстрактно философский, язык изложения, благодаря использованию большого количества философской лексики – сложен для восприятия и понимания. Однако, структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. Логика изложения строго выверена и немногие примеры корректно поясняют мысль автора.

В статье последовательно рассматривается присутствие системно-структурной и биоэссенциально-детерминистической мета-парадигм сначала в языкознании, затем в литературоведении, точных науках, религиоведении и творчестве Т.С. Куна.

Библиография статьи включает 17 наименований работ как отечественных, так и зарубежных авторов, посвященных рассматриваемой проблеме.

Апелляция к оппонентам присутствует в полной мере. В рассмотрении двух мета-парадигм в языкознании на большем количестве исследовательских примеров (В. М.

Алпатов, В. Н. Волошинов, Е. В. Рахилина, Н. В. Бугорская, Д. И. Иванов, Д. Л. Лакербай, Р. М. Фрумкина, И. П. Павлов), в других отраслях научного знания: литературоведении, точных науках, религиоведении на, меньшем количестве примеров. Статья безусловно обладает высоким эвристическим потенциалом и будет интересна социалистам в области теории науки, но едва ли найдет понимание у широкого читателя.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Саенко Н.Р., Татаренко М.А. Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.71953 EDN: BKFERE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71953

Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре

Саенко Наталья Ряфиковна

ORCID: 0000-0002-9422-064X

доктор философских наук, кандидат филологических наук

профессор кафедры гуманитарных дисциплин Московского политехнического университета

107023, Россия, г. Москва, ул. Большая Семёновская, 38

✉ rilke@list.ru

Татаренко Мария Андреевна

аспирант; кафедра философии и культурологии; Волгоградский государственный социально-педагогический университет

400005, Россия, г. Волгоград, пр-т Ленина, 27, оф. 712

✉ mardmy@yandex.ru

[Статья из рубрики "Традиции и инновации"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.71953

EDN:

BKFERE

Дата направления статьи в редакцию:

11-10-2024

Аннотация: В данном исследовании рассматриваются трансформации массовых событий празднования в рамках современной культуры участия, являющейся своеобразным сопротивлением консюмеризму, преодолением пассивности зрителя экранной культуры. Массовый праздник эпохи поздней современности является новой площадкой гражданской активности, что имеет как продуктивные аспекты, так и риски. Особое внимание уделено анализу таких особенностей указанных изменений, которые, во-

первых, приобретаются современными формами празднования в процессе этих культурных трансформаций, и, во-вторых, остаются устойчивыми и повторяются в рамках современного масскульта от одной формы празднования к другой, меняясь только внешне, но не изменяясь по сути. Массовый праздник является культурным феноменом, следующим после музейных практик, на который экстраполируется концепция культуры участия. Так концепция культуры участия выходит за границы политологии и приобретает статус или междисциплинарной, или культурологической. Концепция «культуры участия» является методологическим принципом рассмотрения и анализа современного массового празднования. Кроме того, исследование опирается на ряд фундаментальных научных трудов М. Маклюэна, М. Кастельса, М. Хоркхаймера, Т. Адорно, Ж. Бодрийера. По результатам исследования выделены и проанализированы инициальные причины и последующие механизмы поддержания высоких темпов культурной динамики, которые по совокупности и определяют эти внутрикультурные трансформационные процессы. В заключение наиболее подробно рассмотрена роль общего социогенеза современной массовой культуры при переходе ее в пространство культуры информационной, позволяющей использовать в процессе реализации новых форм празднования «онлайн» свои инженерно-технические и технологические решения и достижения, но, в то же самое время, незаметно изменяющие культурную рефлексию и сознание современного человека. Современная «культура празднования» по сути является одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия. В искусственно создаваемом хронотопе праздника общество как бы раскрывается изнутри и полностью перед самим же собой, создавая поистине беспрецедентные условия для обновления и повышения уровня собственной внутренней интеграции. Существующая культура празднования предполагает, что большинство возможностей культуры участия самым активным образом реализуются в сценарной, постановочной и перформативной части организации любого вида праздничных мероприятий или церемоний.

Ключевые слова:

массовый праздник, культура участия, каузативизация актов участия, парадигмы культурного развития, культурная рефлексия, традиция, инновация, ритуал, зрелище, массовая культура

Латинский глагол «participare» на самом деле используется в языке и речи не только как акциональный глагол прямого действия (в значении «принимать участие»), но и как лексический каузатив (в значении «вовлекать кого-либо в участие в чем-либо»). Эта довольно существенная двойственность передаваемых им значений в определенном смысле и была когда-то заложена в основу создания, а затем и закрепления в общем пространстве культуры так называемой «participatory culture» – культуры участия, которая по истечении первого периода своего вхождения в это пространство начала интенсивно трансформироваться вследствие предполагаемой, а затем и вполне успешно реализуемой множественности собственных исторических форм, возникающих в процессе социальной коммуникации и взаимодействия индивидов и целых социальных групп.

Одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия стало возникновение так называемой «celebration culture» («культуры празднования» – от лат. «celebrare» – «праздновать») в связи с тем,

что исторически почти во всех видах сложившейся национальной или этнической культуры периоды празднования становились подлинными пиками интенсивности общения и взаимодействия отдельных индивидов и социальных общностей любого уровня, начиная с семьи и кончая всей человеческой цивилизацией как единым целым, отмечающим наступление очередного нового календарного года или какое-либо выдающееся достижение, имеющее значение для всех стран и народов. В такой ситуации в искусственно создаваемом хронотопе праздника общество как бы раскрывается изнутри и полностью перед самим же собой создаёт поистине беспрецедентные условия для обновления и повышения уровня собственной интеграции.

Однако в современной ситуации интенсивной и стремительной смены внешних условий ускорения общей социальной и культурной динамики, в значительной степени определяемой достижениями современной науки и техники, происходит столь же динамичная трансформация моделей и парадигм культурного роста и развития, что, в свою очередь, не может не отражаться вполне определенным и целенаправленным образом на процессе изменения более частных и преимущественно коллективных, массовых форм празднования в рамках более общей культуры участия, что, по существу, и определило актуальность настоящего исследования.

Цель исследования определена как выявление актуальной феноменологии изменяющихся форм празднования, их последующий анализ и описание причин, действующих факторов такого рода трансформаций в рамках современной культуры участия.

Первоначально определенная в качестве одного из подтипов интенсивно трансформирующейся на то время политической культуры (С. Верба и Г. Алмонд – цит. по [Короткова, с. 99 – 101]), культура участия была демаркирована от других таких же подтипов двумя основными критериями: уровнем активности участника в некотором «общем деле», а также уровнем его субъектности (см. выше «participare» как каузатив). Условный «субъект культуры участия» в этой первоначальной редакции – это лидер, активист, способный увлечь своими идеями и установками и вести за собой других на фоне любого своего личного отношения к существующей политической системе и к тому, что делает и что декларирует формальное руководство этой системой. В рамках культуры участия такой субъект не только формулирует требования и замечания к политическому процессу и его формальным акторам, но и сам активно участвует в доступных формах проведения такого рода решений в жизнь. Так, начиная с 2011 года в г. Томске, а позже в других городах России во время празднования 9 мая Победы СССР над фашизмом в Великой отечественной войне начали проходить акции-шествия рядовых граждан. Участники проходят колонной по улицам городов с фотографиями своих родственников — участников Великой Отечественной войны, подпольщиков, бойцов Сопротивления, тружеников тыла, узников концлагерей, блокадников, детей войны — и записывают семейные истории о них в Народную летопись на сайте движения «Бессмертный полк».

Переход от политико-ориентированных форм культуры участия к формам культуры празднования оказывается возможен через частные варианты реализации атрибуций субъектности в пространстве культуры: способность инициировать обсуждение чего-либо с другими – тем самым привлекая их к сотрудничеству с последующей организацией любых культурных форм уже в рамках группового согласованного взаимодействия, для реализации которого, без сомнения, становятся уже необходимыми функции управления группой. Существующая культура значительного большинства реализуемых на настоящее время форм празднования предполагает, что все эти вышеуказанные возможности

самым активным образом реализуются в сценарной, постановочной и перформативной части организации праздничных мероприятий или церемоний, внутри которой всегда обнаруживается неформальный лидер или несколько согласованно действующих лидеров – это и есть тот самый случай, когда на время празднования реальная жизнь трансформируется в своего рода театр, в сценарно-организованное зрелище. Грань между формальным «зрителем» и формальным «актером» в такого рода зрелищах довольно условна, поскольку, при отсутствии конвенционально устанавливаемых ограничений ничто не мешает взаимообмену между этими временными социальными ролями, возможные аскрипции которых носят условный и карнавальный характер – иногда бывает достаточно что-то поменять в своем внешнем облике, или речи, или жестах, чтобы тут же стать «одним из....» – такие ситуации часто описываются в художественной литературе и становятся частью киносюжетов художественного кинематографа [Туркина, с. 12].

Постоянные флуктуации социокультурного контекста, сопровождающего существование современного социума, приводят затем к последующим изменениям в массовом сознании представлений об истории как науке о развитии этого социума, вследствие чего в массовом сознании происходит постоянная ротация знаменательных событий и памятных дат, являющихся, согласно мнению общественного большинства, поводами для празднования в массовом, расширенном социальном формате. Эта постоянная актуализация и дезактуализация поводов для организации празднования, поскольку значительная часть современного человечества живет в условиях массовой культуры, в настоящее время почти полностью находится под модерацией со стороны масс-медиа. С другой стороны, современная массовая культура, исходя из имманентно присущих ей особенностей организации структуры ее собственного пространства, в плане своего начального генезиса и последующих тенденций развития, всегда обладала более или менее выраженной склонностью к масштабным культурным трансформациям с последующей импликацией их результатов в свое общее пространство [Емельянов, с. 234].

Считается, что массовая культура имеет тенденцию к абсолютизации собственного доминирования, вследствие чего обнаруживает склонность к замещению народной, традиционной культуры. Однако по отношению к формам празднования чего-либо массовая культура, выраженно прагматическая по своей внутренней сути, пытается встраивать уже имеющийся культурный материал в новые контексты, активно используя достижения традиционных форм празднования и стараясь манипулировать ими во имя достижения целей своего собственного развития [Хлудова, с. 31].

Ряд философов, культурологов, литераторов согласованно указывали на целенаправленное обесценивание новым масскультом аксиологии традиционной культуры, сопровождающееся примитивизацией и опошлением, однако по отношению к формам празднования, адаптируемым этим масскультом к новым культурным реалиям, вернее было бы утверждать, что здесь масскульт оказался склонен к безудержному экспериментированию с материалом традиционной культуры, причем часто безо всякой оглядки на аксиологию последней [Кастельс, с. 94]. Следствием целенаправленной реализации таких подходов и становится ныне *mutatis mutandis* прежних традиционных форм празднования, в которых содержание сохраняется, тем временем как перформативная (или декоративная) их часть просто фонтанирует этим «новым» разнообразием.

Вследствие этого определение тех наиболее частотных градиентов этих изменений, которые можно было встроить в новые модели и формы празднования, достаточно

ограничен. Во-первых, это массово и целенаправленно репрезентируемая фриковость с обилием декорированных внешне агглютинативов. Например, на шумевшая Церемония открытия Олимпийских игр 2024 года в Париже, в сценарий которой были включены перформанс «Тайной вечери» в исполнении актёров-мужчин, переодевшихся в женщин; оперная певица в образе казненной Марии-Антуанетты с собственной отрубленной головой в руках; загримированный в синий цвет певец в образе обнаженного бога Диониса, возлежащего в окружении яств на огромном блюде; железный механический конь, несший над Сеной всадника с олимпийским огнём, образ которого повторял фигуру всадника Апокалипсиса на гравюре А. Дюрера. Церемония проходила не на стадионе, а на водной глади Сены, трибуны зрителей были установлены на набережных, таким образом и символически, и фактически участие граждан в праздновании было выведено за границы сценария.

Во-вторых, это столь же выраженная стилистическая микшированность в жанре «*conjungatio inconjungantis*» («сочетание несочетаемого» – лат.), приводящая к крайне неопределённым содержательно и продолжительным по длительности дискуссиям между критиками и экспертами в сфере массовых культурных перформансов современности.

В-третьих, это сценарная и сюжетная мультипликативность, когда на уже созданный ремейк чего-либо популярного ранее создается ремейк второго порядка.

Множественные трансформационные процессы, требующие достаточно широкого привлечения масс к реализации новых форм празднования в рамках культуры участия, в итоге приводят к формированию столь же новой, заместительной культурной аксиологии, а именно – к появлению новых культурных вкусов, предпочтений, стандартов и норм репрезентирования всех форм массовых типов культурной активности, подходящих под это понятие. Используя непривычные для традиционной культуры специфические средства воплощения образности празднования, выражения его «осовремененной» культурной символики, культура участия сама по себе превращается во что-то новое, не обнаруживающее прямую символическую или стилистическую преемственность с существующей культурной традицией, и это – та культурная ситуация, когда множественность разнонаправленно изменяющихся культурных форм в конце концов начинает формировать внутри них столь же новое культурное содержание, отрицать появление которого сейчас становится невозможно.

Получившая благодаря современному развитию техники в сфере массовых коммуникаций все возможности для своего возникновения и развития, современная медиакultura неизбежно трансформирует традиционную структуру исторически сложившихся социальных связей в сетевые структуры массовых коммуникаций в пространстве виртуальной реальности, после чего результат не замедлит себя ждать – значительное большинство традиционных форм празднования претерпевает трансформацию как виртуализацию, а само участие в праздновании также становится виртуальным, «онлайн». Тем самым присущая современной культуре участия в ее «онлайн» вариации форма празднования превращается, согласно терминологии Ж. Бодрийяра, в виртуальный симулякр. В одном из своих фундаментальных критических трудов [Бодрийяр] Бодрийяр с иронией пишет, что одну только смерть невозможно трансформировать таким вот образом, поскольку она, по его мнению, есть естественный предел всех симуляций – тогда как, напротив, событие смерти (похороны) трансформируются современным масскультом в форму празднования, равно как и всякое другое событие. Можно загодя расписать сценарий, последовательность массовых акций, декор и оформление сцены, распределение ролей, и даже изменения реакции масс на те

или иные переходы от одного акта к другому по ходу реализации общей церемонии [Дебор]. Например, планирование траурных мероприятий на случай смерти Елизаветы II началось еще в 1960-х годах. Ее Величество сделала множество распоряжений насчет предстоящей траурной церемонии. Вся церемония прощания была полна символов и скрытых аллюзий. Гроб был накрыт Королевским штандартом — флагом, представляющим суверена Британии, Земель короны и британских заморских территорий. На нем изображены три льва, которые обозначают Англию, один лев, обозначающий Шотландию, и арфа, которая символизирует Ирландию. Этот флаг поднимали над одним из дворцов королевы, когда она в нем останавливалась. Венок, который украшал гроб во время траурных мероприятий, был подарком от сына — нового короля. Он был составлен из цветов, выращенных в садах любимого шотландского замка королевы Балморал, ее «рабочего кабинета» — Букингемского дворца, и резиденции Чарльза Кларенс-хаус, а также листьев розмарина, английского дуба и веток мирта. Последние были срезаны с кустарника, когда-то выращенного из черенка, взятого из свадебного букета Елизаветы. В венке находилась записка, подписанная от руки «любящим и навечно преданным» Карлом III. Сначала четверо детей, а на следующий день — восемь внуков королевы Елизаветы II приняли участие в церемонии, которая называется». На 15 минут они заменили гвардейцев, круглосуточно дежуривших у гроба королевы. Традиционно в Бдении принцев не принимали участие женщины. Но на сей раз королевская семья решила устранить гендерное неравенство: вместе с королем Карлом и принцами Эндрю и Эдвардом на почетную вахту заступила дочь королевы принцесса Анна; наравне с принцами Уильямом и Гарри, а также Питером Филлипсом и Джеймсом, виконтом Северном в церемонии приняли участие принцессы Беатрис и Евгения, Зара Тиндалл и леди Луиза Виндзор. Это внесло в церемонию некоторое разнообразие: когда участники бдения поднимались по лестнице, с ноги Зары Тиндалл — дочери принцессы Анны — слетела туфелька, из-за этого процессия на несколько секунд приостановилась, замедлилась. Но все телезрители, наблюдавшие трансляцию церемонии, оценили то, с каким достоинством и грацией Зара вернула обувь на место. Таким образом, и запланированное, и импровизированное в ритуале оказалось символическим.

В свою очередь, демонстрация массовому восприятию форм виртуального празднования создает у зрителя устойчивую иллюзию их продолжения при переходе от виртуальной реальности к реальности физической. Стирание граней между первой и второй реальностью именно посредством реализации форм массовых действий в рамках современной культуры участия прогрессирующе превращает ее потенциального объекта в средство и инструмент переноса доминирующих в виртуальной реальности форм массового взаимодействия, в реальность физическую, и чем большие масштабы и глубину приобретает этот процесс, тем менее заметными становятся сами механизмы внутренней трансформации одного культурного содержания в другое [Верховская, с. 96]. Субъект массовых форм виртуальной культуры участия превращается в ретранслятор переноса их в реальность физическую, вследствие чего традиционная культура участия во все большей степени превращается фактически в субкультуру как зависимую и подчиненную часть виртуальной культуры участия.

Все эти метаморфозы в конце концов приводят к тому, что по сравнению с традиционной культурой содержательно-символическая аутентичность продвигаемых масскультом форматов празднования резко снижается.

Например, используя фантастические по быстродействию ресурсы современных масс-медиа, информация об очередном подобном событии условного «празднования» широко распространяется за считанные минуты, создавая такой специфический информационный

фон, на котором культурная рефлексия потенциального реципиента неощутимо, но неуклонно изменяется от считывания информации с текста к восприятию ее с экрана – со всеми вытекающими из этого почти незаметного изменения последствиями.

Выводы

1. Современная «культура празднования» по сути является одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия. Феноменологический анализ современного массового празднования может выступать методологической призмой, сквозь которую высвечивается спектр причин трансформаций современной культуры участия.
2. В искусственно создаваемом хронотопе праздника раскрывается в своей геополитической, национальной специфике конкретная культура, создавая условия для обновления и повышения уровня собственной внутренней интеграции.
3. Существующая культура празднования предполагает, что большинство возможностей культуры участия самым активным образом реализуются в сценарной, постановочной и перформативной части организации любого вида праздничных мероприятий или церемоний.
4. Современная массовая культура всегда обладала более или менее выраженной склонностью к масштабным культурным трансформациям с последующей импликацией их результатов в свое общее пространство.
5. Формирующимися в ходе трансформационных преобразований особенностями современных форм празднования являются их выраженная фриковость, стилистическая микшированность и сценарно-сюжетная мультипликативность (обилие ремейков).

Библиография

1. Баскаков С. С., Некита А. Г., Маленко С. А. Культурные индустрии в палитре научных интерпретаций // Бренное и вечное: культурные индустрии в социальных контекстах: Материалы Международной научной конференции, Великий Новгород, 21–22 ноября 2022 года / Сост. и отв. редакторы: С.А. Маленко, А.Г. Некита. Великий Новгород: Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2023. С. 19–25.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. М.: Рипол-классик, 2012. 512 с.
3. Верховская С. Б. Медиакultura как фактор трансформации сознания // Вестник урведения. 2011. № 11. С. 93–99.
4. Дебор Г. Общество спектакля. М.: АСТ, 2022. 256 с.
5. Емельянов А. В. Массовая культура: аспекты трансформации // Молодой ученый. 2012. № 11 (46). С. 233–236.
6. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
7. Ковалева С. В., Гргорьев С. Л. Homo Affectus как антропологический проект экранной культуры // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 1(869). С. 141–147.
8. Королева Е. Б., Леденцова Е. К. Культура участия как «хорошо забытое старое» // Elar.urfu.ru/ [Электронный ресурс] URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36569/1/dc-2015-62.pdf> (Дата обращения: 15.10.2023).
9. Короткова М. В. Партиципаторные стратегии и культура участия в музейной педагогике // Наука и школа. 2020. № 4. С. 97–102.
10. Кортунув В. В., Саенко Н. Р. Эмоциональные антиномии современности // Контекст и

рефлексия: философия о мире и человеке. 2022. Т. 11, № 5-1. С. 83-91.

11. Кортунов В. В., Саенко Н. Р. Новые модусы эмоций в современной культуре // Russian Studies in Culture and Society. 2022. Т. 6, № 3. С. 53-67.

12. Лобанова Ю. В., Саенко Н. Р. Советский энтузиазм в контексте истории эмоций // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство : доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР, Москва, 20 декабря 2022 года. – Москва: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2022. С. 264-270.

13. Магсумов Т. А., Сафина А. М., Маркова Н. Г., Ганиева А. М. Профильная смена языкового лагеря для детей: актуальные направления работы / // Russian Journal of Education and Psychology. 2022. Т. 13, № 2-2. С. 45-55.

14. Майны Ш. Б., Чооду О. А. Традиционная праздничная культура: понятие и сущность // Вестник культуры и искусств. 2014. № 2(38). С. 56 – 61.

15. Маклюэн М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. М. : Кучково поле, 2011. 464 с.

16. Маленко С. Полюса Индустрии впечатлений: от увлекательного досуга к идеологеме «расчеловечивания» // Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований. 2023. № 1(2). С. 9-21.

17. Панова Е. П., Манаева А. И. Роль визуального образа в плакатах Великой отечественной войны 1941–1945 гг. (журнал «Крокодил») // Союз Советских Социалистических Республик как историко-культурный феномен: национально-государственное строительство : доклады 4-й Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию образования СССР, Москва, 20 декабря 2022 года. Москва: федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Московский политехнический университет", 2022. С. 119-128.

18. Туркина В. Г., Антонова Е. Л. Массовая культура в ее современных феноменах // Наука. Искусство. Культура. 2019. № 12. С. 11-28.

19. Хлудова Е. Н. Особенности политической культуры участия молодежи в условиях трансформации современного российского общества: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 Тула, 2006 172 с.

20. Хоркхаймер М., Адорно Т. Культурная индустрия. Просвещение как способ обмана масс. М.: Ad Marginem, 2016. 104 с.

21. Шатунова Т. М. Социальный смысл онтологии эстетического (опыт оправдания красотой): монография. Казань: Казанский гос. ун-т, 2007. 154 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной для публикации в журнале «Философская мысль» статье, как автор обозначил в заголовке («Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре»), является совокупность факторов трансформации массовых форм празднования (в объекте) в современной культуре.

Объект исследования (современная культура) автором поясняется посредством определения «культуры участия», которая, в свою очередь, «по истечении начального периода своего вхождения в это пространство [в общее пространство культуры] начала интенсивно трансформироваться вследствие предполагаемой, а затем и вполне успешно

реализуемой множественности собственных исторических форм, возникающих в процессе социальной коммуникации и взаимодействия индивидов и целых социальных групп». На примерах «Бессмертного полка», открытия олимпийских игр в Париже (2024) и похоронных торжеств Елизаветы II автор рассмотрел предмет исследования (совокупность факторов трансформации массовых форм празднования), подчеркнув, что «современная “культура празднования” по сути является одним из наиболее существенных и заметных направлений социокультурной формализации культуры участия».

Признавая право автора на собственную точку зрения, рецензент все же, обращает внимание, что в силу неопределенности объектно-субъектных отношений в рамках соотношения феноменов культуры в тексте статьи размывается категория фактора — феномена, обуславливающего объективность процесса. В частности, автор неоднократно наделяет субъектностью массовую культуру (например, в выводах: «По отношению к формам празднования массовая культура, выраженно прагматическая по своей внутренней сути, пытается встраивать традиционный культурный материал в новые контексты» или «В слиянии трансформированных форм празднования с современной медиакulturой функции креации целенаправленно вытесняются функциями популяризации и клиширования массовой культурной рефлексии...»), чем исключает из оптики внимания её процессный характер, обусловленный внешними факторами. Одним из таких внешних факторов, к примеру, является ценностно-смысловой фундамент традиционных культур, в которых и закрепился на протяжении тысячелетий виртуальный (игровой) характер праздника. В результате в концепции автора массовая культура является одновременно и трансформирующим современную культуру субъектом (актором) и трансформируемой субстанцией (объектом приложения усилий некоторыми непрямыми в статье силами): т. е. и областью трансформаций, и фактором этих трансформаций. В имплицитном (не отрефлексированном) наблюдении самодетерминации современной массовой культуры кроется неразрешенное автором противоречие: как отстраняемая от участия в процессе (в праздновании события) массовая культура может быть фактором собственной трансформации?

Рецензент подчеркивает, что его замечание носит не столько методологический, сколько дискуссионный характер. Автор вправе его проигнорировать, ожидая спровоцированных его публикацией теоретических дискуссий. По мнению рецензента, только понимая культуру как исторически развивающуюся систему надбиологических программ жизнедеятельности общества, можно наблюдать, каким образом исторически сложившиеся наиболее существенные факторы, по своей природе внешние по отношению к современной культуре, обуславливают анализируемые автором трансформационные процессы. Именно соотношение гетерономных и генетических процессов, по мнению рецензента, позволяет достаточно адекватно выделить конкретные факторы развития системы, включая изменения и трансформации на любом уровне их концентрации (скорости процессов).

Методология исследования кратко изложена автором в целеполагании («выявление актуальной феноменологии изменяющихся форм празднования, их последующий анализ и описание причин, действующих факторов такого рода трансформаций в рамках современной культуры участия»). Автор феноменологически акцентирует внимание на генетических процессах современной культуры и, по мнению рецензента ошибочно, анализ и описание причин ограничивает исключительно областью внутренней их взаимообусловленности. Отчего теоретическая метафора субъектности культуры, подразумевающая на самом деле симбиоз социальной субъектности и культурно-исторических её детерминант, затмевает собой область объективных (внешних) факторов изменений в культуре (например, географическую локацию традиционных культур,

неоднородность и разнонаправленность социальных процессов и отношений и пр.). В целом, на взгляд рецензента, автор справился с проблематизацией изучения трансформаций в «культуре участия» как элемента социокультурного проектирования. Возможно, было бы уместно констатировать в заключении статьи, что феноменологического подхода недостаточно для детального анализа и описание причин трансформаций современной культуры участия или, напротив, утвердительно и однозначно заявить о полной изученности в рамках предпринятого исследования факторов наблюдаемых трансформаций.

Актуальность выбранной темы автор поясняет тем, что «в современной ситуации интенсивной и стремительной смены внешних условий ускорения общей социальной и культурной динамики, в значительной степени определяемой достижениями современной науки и техники, происходит столь же динамичная трансформация моделей и парадигм культурного роста и развития, что, в свою очередь, не может не отражаться вполне определенным и целенаправленным образом на процессе изменения более частных и преимущественно коллективных, массовых форм празднования в рамках более общей культуры участия». Выражаясь проще, новейшие технологии позволяют части общества манипулировать общественным сознанием в рамках проектирования парадигм культуры участия, что и обуславливает научный интерес к обозначенной теме.

Научная новизна исследования, заключающаяся в авторской трактовке генетических изменений в современной массовой культуре и проблематизации изучения трансформаций в «культуре участия» как элемента социокультурного проектирования, заслуживает теоретического внимания.

Стиль текста в целом выдержан научный, необходимо лишь сносками на источники по тексту привести в соответствие с оформительскими требованиями редакции (см. https://nbpublish.com/e_fr/info_106.html).

Структура статьи соответствует логике изложения результатов научного поиска.

Библиография в достаточной мере раскрывает проблемное поле исследования, но её оформление содержит отдельные неточности и требует доработки согласно требованиям редакции и ГОСТа (https://nbpublish.com/e_fr/info_106.html).

Апелляция к оппонентам корректна и достаточна, автор активно участвует в острой теоретической полемике, хотя его отдельные аргументы и могут быть оспорены коллегами.

Статья представляет интерес для читательской аудитории журнала «Философская мысль» и после доработки оформительских неточностей может быть рекомендована к публикации.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В журнал «Философская мысль» автор представил свою статью «Факторы трансформации массовых форм празднования в современной культуре», в которой проведено исследование динамики современной культуры празднования и влияющих на нее социокультурных факторов.

Автор исходит в изучении данного вопроса из того, что во всех видах сложившейся культуры периоды празднования являются пиками интенсивности общения и взаимодействия отдельных индивидов и социальных общностей любого уровня, начиная с семьи и кончая всей человеческой цивилизацией как единым целым. В подобных условиях праздника общество создает предпосылки для обновления и повышения

уровня собственной интеграции. Автор отмечает прямую взаимозависимость между динамичной трансформацией моделей и парадигм культурного роста и развития и достижениями современной науки и техники, что, в свою очередь, стимулирует процесс изменения массовых форм празднования в рамках более общей культуры участия. Данная социокультурная ситуация и определяет актуальность настоящего исследования. Соответственно, цель исследования определена автором как выявление актуальной феноменологии изменяющихся форм празднования, их последующий анализ и описание причин, действующих факторов такого рода трансформаций в рамках современной культуры участия.

Методологическую базу составил комплексный подход, включивший общенаучные методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, наблюдение, описание, а также феноменологический и философский анализ. Теоретическим обоснованием автору послужили труды таких российских и зарубежных исследователей как Ж. Бодрийяр, М. Хоркхаймер, Т. Адорно, М. Маклюэн, М. Кастельс, С.Б. Верховская, В.В. Картунов, Н.Р. Саенко и др. Эмпирическим материалом послужили современные социокультурные события и празднования.

Научная новизна исследования заключается в детальном обзоре и систематизации атрибутивных признаков массовых форм современных публичных событий и факторов, определяющих направление их трансформации.

Автор определяет предпосылки формирования современной культуры празднования политической культурой, от которой ее отличали два критерия: уровень активности участника в некотором «общем деле», а также уровень его субъектности. Переход от политико-ориентированных форм культуры участия к формам культуры празднования автор усматривает в способности инициировать обсуждение чего-либо с другими, тем самым привлекая их к сотрудничеству с последующей организацией любых культурных форм уже в рамках группового согласованного взаимодействия.

Определяя массовые формы празднования как неотъемлемую составляющую феномена массовой культуры, автор распространяет все атрибуты последней и на праздники: модерация со стороны средств массовой информации, манипулирование, а зачастую и обесценивание достижений и ценностей традиционной культуры, виртуализация празднования.

Автор представляет три ключевых характеристики, присущих современной трансформации массовых празднований: ярко выраженная фриктивность, стилистическая микшированность и сценарно-сюжетная мультипликативность (обилие ремейков).

В заключении автором представлен вывод по проведенному исследованию, в котором приведены все ключевые положения изложенного материала.

Представляется, что автор в своем материале затронул актуальные и интересные для современного социогуманитарного знания вопросы, избрав для анализа тему, рассмотрение которой в научно-исследовательском дискурсе повлечет определенные изменения в сложившихся подходах и направлениях анализа проблемы, затрагиваемой в представленной статье.

Полученные результаты позволяют утверждать, что изучение предпосылок, факторов и потенциальных направлений трансформации современной социокультурной среды представляет несомненный теоретический и практический культурологический интерес и может служить источником дальнейших исследований.

Представленный в работе материал имеет довольно четкую, логически выстроенную структуру, способствующую полноценному усвоению материала. Этому способствует и адекватный выбор методологической базы. Библиографический список исследования состоит из 21 источника, что является достаточным для обобщения и анализа научного дискурса по исследуемой проблематике. Текст статьи выдержан в научном стиле, однако

автору следует доработать оформление статьи и привести ссылки на источники в соответствие с требованиями редакции.

Автор выполнил поставленную цель, получил определенные результаты, позволившие обобщить материал. Следует констатировать: статья может представлять интерес для читателей и заслуживает того, чтобы претендовать на опубликование в авторитетном научном издании.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Гурбанов А.Г. Роль социальной аксиологизации потребления в становлении жизненного мира современного человека // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.69513 EDN: BMHGEN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69513

Роль социальной аксиологизации потребления в становлении жизненного мира современного человека

Гурбанов Абдулла Гаджиевич

аспирант, кафедра философии, культурологии и социологии; Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, каб. 409

✉ stars678@rambler.ru

[Статья из рубрики "Социальная философия"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.69513

EDN:

BMHGEN

Дата направления статьи в редакцию:

08-01-2024

Аннотация: Предметом анализа выступает социально-философский аспект аксиологизации потребления, раскрываемый в работах отечественных и зарубежных исследователей последней трети XX – первой четверти XXI вв. Детально рассматриваются этапы аксиологизации потребления, его движущие силы и понятийно-категориальный аппарат. Автор приводит оригинальное определение жизненного мира человека, показывая роль предлагаемых современным обществом потребления ценностей в эволюции этого мира. Показано, что многие аксиологические ориентиры начала XXI в.: безудержное потребление, эгоизм, поклонение «золотому тельцу» выполняют деструктивную функцию, закрепляя в жизненном мире потребителя «антиценности». Вместе с тем, автор полагает, что в современном обществе, при должном социальном контроле и самоконтроле, генерируются и позитивные ценности ответственного потребления. Были также проанализированы «новые» ценности жизненного мира человека, на основании чего сделан вывод о незавершенности на сегодняшний день процесса аксиологизации. Более того, печальным итогом незавершенных трансформаций стал ценностный кризис, и этот социальный феномен

оказывает тотальное воздействие на витальный мир потребителя. В качестве методологической основы были использованы как общенаучные методы, так и социокультурный, социально-экономический, социально-философский подходы, позволяющие рассмотреть «общество потребления» и специфику потребительского поведения человека в нем. Научная новизна заключается в том, что в данной статье предпринимается попытка четко определить такие термины, как «социальная аксиологизация» и «жизненный мир», а также проследить взаимодействие этих терминов в рамках происходящих в современном мире социальных и экономических трансформаций. Выделенные факторы формирования аксиологических ориентиров общества потребления и последствия его будущей динамики позволяют более комплексно взглянуть на процесс погружения человека в мир потребления, в котором ценности и антиценности смешиваются, усложняются и начинают играть большую роль в жизни консьюмера. Важным является вывод о том, что массовая культура и конвейерное производство, помноженные на специфическое мировосприятие современного человека, необратимо изменяют аксиологический строй социума, и избежать нарастания деструктивных тенденций может помочь система правильно расставленных аксиологических приоритетов, рационально сочетающая классические ценности с новыми.

Ключевые слова:

общество потребления, жизненный мир человека, аксиологизация потребления, индивидуальное потребление, постиндустриальное общество, ценности потребления, антиценности потребления, ценностный кризис, ответственное потребление, одномерный человек

Современная социальная реальность выступает актуальной средой для постоянного эволюционирования проблемы человеческого потребления, причем в ходе этого процесса названная проблема требует усиленного внимания к аксиологическим ориентирам данного процесса. Подчеркивая тесную взаимосвязь культуры, человека и общества, особо отметим все большую встраиваемость феномена «потребительства» в ткань жизненного мира человека, начиная с рубежа XX-XXI вв. Вслед за этим начинается и трансформация ценностных вех общественного сознания, катализатором которой выступает объект данного исследования – потребление как ценностно-значимое действие.

Актуальность проблемы определяется тотальностью потребления, которое охватывает все большие сегменты социального бытия человека и превращает его жизненный мир в поле потребления не только товаров и услуг, но и смыслов, символов, идейных доминант. Вступая во взаимодействие друг с другом, они делают мир современного человека более прагматичным, жестким, «материализованным».

Однако такие изменения, представляется, не случайны. Со второй половины XX в. происходит размывание классовой структуры, рост доходов, свободного времени и общего уровня благосостояния человека. Все это постепенно трансформирует и схему потребления, наполняя ее новыми смыслами. Трудно не согласиться с О.Е. Алпатовой, утверждающей, что, в отличие от «выделяющегося из массы» изобилия, избыточность стандартизирует [\[1, с. 1199\]](#). Поэтому в процессе потребления материальных благ в социуме относительно автономно формируется пространство желаний. Проблема же здесь заключается в том, что в реальности не создается пространство возможностей для

того, чтобы удовлетворять эти желания.

Как итог сказанного – изменяется смысл потребления, которое теперь нельзя считать чисто физическим усвоением; с конца XX в. это, скорее, идеалистическая практика «потребления знаков». А это, как считает Алпатова, уже не позволяет современному потребителю вписаться в «пирамиду потребностей» А. Маслоу. Одновременно с этим гиперпроизводство активно и расширенно воспроизводит новые производительные силы, что постепенно формирует и новый ценностный строй, при этом процесс конвейеризации практически сливается с этикой и ментальностью, т.н. «повседневной идеологией», которая проникает во все сферы общественных взаимодействий.

Мы согласны с М. Имаи, автор концепции «Кайдзен», что существенное влияние на потребление оказывает качество производимой продукции, а «приговор качеству выносит потребитель» [\[2, с. 227\]](#). Развивая эту мысль, японский топ-менеджер констатирует, что все усилия руководства предприятия сводятся к удовлетворению потребителя, и любая работа бесполезна, если не приводит к достижению этой цели. Таким образом, Страна Восходящего Солнца, на наш взгляд, является весьма удачным примером продуманной системы встраивания качества, что оказывает определенное влияние на формирование аксиологии потребления, причем не только в Японии, но и во многих других странах.

Похожим образом обстоит дело и в России. По мысли С.А. Храпова, «...ценности потребления, зафиксированные на всех уровнях общественного сознания, побуждают человека следовать им», ибо «...в противном случае, ему угрожает опасность исключения из... общества в целом, ибо потребительская направленность и есть критерий идентификации с ним» [\[3, с. 104\]](#).

Довольно интересную тенденцию формирования ценностей потребления подмечает и немецкий социолог Г. Маркузе. «В действительности, – говорит он, – мы наблюдаем противоположную тенденцию: аппарат налагает свои экономические и политические требования защиты и экспансии как на рабочее, так и на свободное время, как на материальную, так и на интеллектуальную культуру» [\[4, с. 226\]](#). Не вызывает сомнений, что подобная идеология способствует распространению культуры потребления, не только укореняя специфические стандарты в общественном сознании, но и формируя специфические ценности потребления.

Среди них одно из главных мест отводится тотальности потребления. Ее присутствие позволяет говорить о преобладании в общественном сознании потребительской идеологии, которая и объединяет все слои социума. Кроме того, и потребление универсализируется, формируя новые ценностные константы в рамках экономического сознания жителей РФ. К сожалению, как констатирует Р.И. Хахиашвили, такое экономическое сознание «игнорирует высшие ценности, абсолютизируя повседневные, обусловленные желанием людей жить лучше, комфортнее, богаче» [\[5, с. 111-112\]](#). Социальный психолог утверждает, что желание потреблять постепенно становится главенствующим, становясь наиболее важной ценностью и, более того, жизненной целью человека. Этому способствует и массовая коммуникация, закрепляющая в общественном сознании определенные образцы потребления, в отсутствие которых жизнь человека казалась бы неполноценной, а он – обделенным достойным существованием.

Как считает С.А. Храпов, «проблема потребительской направленности человека и

общественного сознания не есть лишь проблема гедонистической установки поклонения «золотому тельцу» [3, с. 105]. Как нам кажется, это является также следствием трансформации культуры и общественного сознания, в том числе, под влиянием позитивизма и прагматизма. Эти идеологии утвердили рациональность потребления современного общества как его основную ценность и даже мировоззренческий принцип.

Подспудно в сознании человека формируются так называемые «потребительские иллюзии». Они формируют определенные представления о том, как необходимо «жить красиво» с позиций гипериндивидуализма – преобладания индивидуальности над ценностью социального общежития. А это незаметно, исподволь, формирует квазиценности, например, личную атомизацию и эгоизм. К сожалению, все это происходит на фоне декультурации – критического снижения культурного и образовательного уровня населения.

Среди ценностей массового сознания почти не остается места для ценностей индивидуальной культуры, что провоцирует зачастую парадоксальные ситуации, когда человеку «стыдно» за свою образованность и культурность. Это прямо свидетельствует о том, что новые потребительские стратегии человека существенным образом преобразуют его ценностные ориентации, среди которых возобладают рациональность, себялюбие, утилитаризм. Зачастую эти ценности обнаруживают необратимый на данный момент характер.

Особо подчеркнем, что значительное влияние на выработку ценностей потребления оказывают качественные изменения в торговом секторе. Среди них стоит выделить укрупнение, специализацию и индустриализацию, а также увеличение разнообразия, видов и форм торговли. Все это способствовало формированию потребительской базы и самого процесса неограниченного потребления у довольно большого количества потребителей. Как подсчитал А. Дюрнинг, средний житель планеты сегодня примерно в 4,5 раза богаче своих предков, живших век или чуть больше назад [6]. Названное обстоятельство способствует тому, что рынок товаров и услуг постоянно, причем в большинстве случаев – неконтролируемо – пополняется, и это вполне соответствует искусственно созданному росту спроса. Кроме того, консьюмер начала XXI в. располагает куда большим, чем люди прежнего поколения, запасом свободного времени, которое он может выделить непосредственно на процесс приобретения чего-либо. Впрочем, если даже в этом случае времени не хватает, потребитель легко может воспользоваться услугами доставки.

Говорить о вживлении потребительских ценностей в жизненный мир человека стало возможным в связи с глубинной трансформацией социально-экономических систем, которые испытывают на себе влияние информатизации, компьютеризации и глобализации. В своей взаимосвязи эти процессы породили принципиально новую модель социального развития, которая перестроила в последние годы и весь корпус социально-производственных отношений.

Стоит отметить и еще одну особенность социально-экономического развития настоящего времени – информатизацию экономики, которая отличается быстротой распространения информации, уже в разы превышающей скорость передвижения в пространстве товаров и услуг. И в этом – суть «общества потребления», отличающегося такими тенденциями, как расширение границ обмена и связанных с ним отношений, усиление связей между потребителями, а также значительное сжатие времени и пространства. Все это – как напрямую, так и опосредованно – формирует аксиологические смыслы современности, ведь через достаточное количество денежных средств, доступность и широкие

возможности потребления открывается та самая свобода потребления, которая лишается уже даже практического смысла [\[7, с. 196\]](#).

Кроме того, важное влияние на названные процессы оказывает и высокий уровень урбанизации, серьезно «уплотнившая» сегодня городское население. Эта трансформация, уменьшающая численность селян, снижает и популярность сельского образа жизни, напротив, повышая популярность городского [\[8, с. 118\]](#). Это неудивительно, поскольку некоторые исследователи считают, что «общество потребления» базируется именно на городских потребительских практиках, более подвижных и обеспечивающих больший потребительский спрос.

До тех пор, пока будет расти число горожан – будет присутствовать фактор, провоцирующий корпорации и небольшие фирмы на увеличение объемов производства, развитие промышленности и заманивание потенциальных клиентов в свои «сети» в прямом и переносном смысле.

Тезис, отстаиваемый современными учеными, о том, что крупные и крупнейшие города являются обязательным звеном для успешного развития экономики страны с начала ХХI в. практически никем не оспаривается. По мнению ряда исследователей, мегаполисы не просто концентрируют общественный, геоэкономический, информационный, а иногда – и этический потенциал государств, но и выступают в качестве «катализаторов» и существенной опоры инновационных процессов. Причем, чем крупнее город – тем выше в нем концентрация экономики постиндустриального типа, больше человеческого капитала, а модернизация происходит более быстрыми темпами, что, в совокупности, необратимо меняет образ жизни человека [\[9, с. 6\]](#).

Структура потребления сегодня начинает испытывать весьма серьезный перекося, связанный с преобладанием затрат на товары длительного пользования и услуги по отношению к товарам первоочередной необходимости. Допотребительское общество культивировало ценности «производственного потребления», теперь же на первое место выходят ценности личного потребления. Так, в США во второй половине прошлого столетия на личное потребление расходовалось около 67% валового внутреннего продукта, а в странах Азии – чуть более 50%.

Значимость производства и потребления информационного продукта, представляющего собой информационно-рыночные отношения и, одновременно, разновидность блага, не имеющего тенденции к исчезновению, является еще одной отличительной чертой проходящей стадию становления аксиологии потребления. Впрочем, не исчезая, информация имеет тенденцию к быстрому устареванию, утрачиванию своей актуальности, популяризация же этого продукта способствует трансформации структуры потребления членами домохозяйств, так как современные информационные технологии существенно изменяют образ жизни большинства людей, сокращают издержки и обеспечивают доступ к значительно большему выбору в многообразии товаров и услуг [\[7, с. 197\]](#).

Необходимо отметить и появление в понятийно-категориальном арсенале социальных философов такого термина, как «экономика совместного потребления». В этом контексте можно говорить о появлении еще одной ценности, такой, как предоставление доступа к благу ровно на тех же условиях, на которые рассчитывают другие потребители, то есть это некое осовремененное восприятие справедливости. Оно нередко порождает процесс секуляризации в потреблении. Данный термин появился чуть более 50 лет назад, когда процесс потребления стал медленно, но верно выводиться из области религиозного

сдерживания [\[10, с. 115\]](#). Разумеется, при этом активно подчеркивается, что меркантильность осуждалась и осуждается всеми развитыми религиями, от буддизма до ислама. Этические воззрения представителей этих религий вполне единодушны: все утверждают, что материальное благополучие, возведенное в высший ранг, приводит человека к печальному итогу. Так, в Библии вопрошается: «Чего добьется человек, если он приобретет весь мир, но потеряет душу?».

Вслед за религиозными деятелями, к проблемам аксиологических оснований потребительства обращаются непосредственно философы. Так, Демокрит утверждал, что «человеческая жадность – человеческая», и связана она, разумеется, с желанием неумеренно потреблять. Его последователь Лукреций говорил, что люди больше не хотят питаться желудями, спать под открытым небом и носить добытые на охоте шкуры. Мир усложняется – и это приводит к росту потребностей, а уж этот рост влияет на потребление и его ценности. Спустя почти два тысячелетия Л.Н. Толстой развивает эту мысль: он говорит, что стоит попытаться отыскать среди людей и богатых, и бедных – «не получится без труда выбрать такого человека, какому бы хватило своего заработка на все то, что он считает для себя нужным» [\[10, с. 116\]](#). И, если его социальные и статусные потребности выражаются преимущественно в материальном формате, то предела такому «хотению потреблять» не будет. А вот выражение этих потребностей в духовной форме, плюс осязаемая человеком потребность в саморазвитии делает материальное потребление более умеренным с соответствующим изменением аксиологических ориентиров. Заметим, однако, что современная рыночная экономика продвигает, преимущественно, первое направление.

В связи с этим, Е. Дюринг предлагает весьма интересную мысль: он полагает, что в культивировании «особо жадных appetitов» важная роль достается пяти новейшим факторам: давлению на людей со стороны социума, культу «вещизма», рекламе, политике правительства, а также бесцеремонному вторжению рынка в традиционную хозяйственную сферу [\[6\]](#).

Отметим, что аксиологические изменения происходят, чаще всего, параллельно с формированием новых социальных регуляторов потребления. Таким образом культура, этика и мораль легитимизируют потребление, которое уже само по себе становится терминальной ценностью, то есть психологически укоренившимся убеждением или представлением о конечных целях существования, ради которых и стоит выживать. Интересным моментом здесь является то, потребление поддерживается сразу значительным количеством сопутствующих ему сфер: рекламой, современной литературой, кино, музыкой и даже образованием. Рассматриваемые в совокупности, они становятся источниками популяризации некоторых конкретных социально-идеологических штампов и даже стиля потребительства среди новых поколений. Как итог – производители материальных и нематериальных благ, активно используя механизм брендов и новых социальных установок, получают доступ ко всем преимуществам массового производства, увеличивая прибыль и собственные доходы. Все перечисленное в совокупности поддерживает интерес потенциальных потребителей к вещизму, под маркой которого формируется система духовных ценностей.

Отдельно стоит выделить такой аспект проблемы, как формирование эффективных технологий влияния на массовое сознание, что, в конечном итоге, привело к обособлению потребительского сознания, актуализации и администрированию процесса потребления [\[8, с. 128\]](#).

Развиваясь, маркетинг начал создавать эффективную социо-экономическую систему неограниченного, по сути, потребления, через разработку практически не поддающегося подсчету корпуса инструментов воздействия на сознание потенциального потребителя. Как подчеркивалось нами выше, значительную роль в распространении ценностных потребительских установок играет Internet, потреблять через который можно быстро и комфортно. Впрочем, именно благодаря этому ресурсу существенно увеличилось количество рекламы, по праву считающейся основной движущей силой современной торговли.

Еще полвека назад основной смысл обмена заключался в удовлетворении реальной потребности. Но в наше время отношения купли-продажи уже не несут своей подлинной сущности, став «действом», необходимость которого, в большинстве случаев, иллюзорна, но настойчиво набивает себе цену через рекламу. Плюс широкий выбор товаров и услуг и их относительная доступность позволяет социуму удовлетвориться не только базовыми потребностями, но и приобрести что-то, наделенное эстетическим, гедонистическим и другими смыслами. Сам факт наличия столь большого количества смыслов выгоден производителям, в первую очередь, крупным, которые получают возможность активно пропагандировать «красивую» жизнь и связанные с ней удобства и наслаждения [\[12, с. 6\]](#).

Отметим, что на процесс аксиологизации потребления в современном социуме оказывает влияние целый корпус объективных и субъективных факторов. К первым относятся:

1. Присутствие биологических потребностей, называемых базовыми;
2. Стремление к повышению статуса и престижности;
3. Потребность обладать;
4. Потребность быть уверенным в чем-то.

Заметим, что потребительство сегодня – это не функциональный обмен денег на товар ради его полезности, а символический обмен. Громадное количество искусственных, надуманных потребностей, которые закреплены в ценностном строе нашего современника – от электрической зубной щетки до сушилки для обуви – настолько проникли и в быт, и в систему ценностей человека, что кажутся настолько же понятными и привычными, как ежедневный утренний кофе [\[12, с. 139\]](#). Разумеется, для потребителей, окружающих себя подобными вещами, совершенно не кажется противоестественной их главная и основная польза – возможность обладания ими.

Отталкиваясь от тезиса, что стремление обладать в какой-либо мере присутствует в каждом индивиде, можно понять причину феномена обладания: коренное отличие субъекта от объектов самой сутью своей. Впрочем, на этом природно-обусловленном стремлении и основывается вся социально-экономическая жизнь человечества с присущими ей ценностями.

Будущее и сопряженная с ним неизвестность актуализирует еще одну важную для человека ценность: время. Именно временем объясняется стремление к обладанию в плане гарантированности некоей определенности в будущем, и именно страхом перед неопределенностью можно объяснить стремление человека выстроить вокруг себя частокол из «мира вещей», которые всегда находятся рядом, обеспечивая постоянную связь между потребностями и объектами, при помощи которых их можно удовлетворить. Таким образом предпринимается попытка «изгнать» из бытия человека столь неприятные симптомы, как страх, тревога, неуверенность в собственном «завтра».

Зачастую человеку бывает важно и проявить индивидуальность. Настолько важно, что сама возможность такого проявления в условиях жизни в городе, обезличивающей работы и конвейерного, массового производства вещей, уже становится ценностью. Ведь в названных условиях потребление еще и заполняет все расширяющийся вакуум идентичности. Оно становится своеобразной «путеводной звездой», помогающей найти свое место в жизни и определиться с ним.

Довольно часто сегодня можно наблюдать максимальное сближение термина «общество потребления» с понятием «культура потребления». Логично предположить, что это связано со стимулированием массовой культурой самого акта приобретения, сама же культура становится вполне обычной «рыночной площадью». В области экономики масс-культура буквально «заражает» ее своими ценностями, но в то же время, выявляет тождественность материальных и духовных, которые в равной степени выступают объектами массового потребления. Стоит заметить, что понятие «бестселлер» становится в такой культуре универсальным, системообразующим [\[13, с. 61\]](#).

Неоспоримым фактом настоящего времени можно считать то, что общества с сильно развитым торговым обращением постепенно трансформируют все произведения культуры в объекты «купли-продажи», ставя существование творца в зависимость от коммерческих факторов. Уникальность произведений искусства уже не играет определяющей роли, а ценность творца определяется теперь, единственно, спросом на его продукцию на рынке.

Капиталистическая формация в открытую заявляет, что именно рынок будет захватывать позиции в культурной деятельности, и постепенно именно он станет главенствующей формой ее обеспечения. Конечно, рынок был и до капитализма, он есть и в условиях социализма, однако только при капитализме в качестве основного мерила творчества стали называть продаваемость «культурного товара». Возникает непростая дилемма между свободой творчества и зависимостью автора продукта от коммерческого успеха. Немало споров породил и тот постулат, что рыночную цену произведения искусства нельзя соотнести напрямую с его духовной ценностью.

В истории культуры XIX в. есть немало примеров, когда многие гениальные творцы обнаруживали серьезные финансовые затруднения. Пушкин и Бальзак – пожалуй, наиболее яркие из них. Все эти примеры демонстрируют, что диалог между вольным художником и продавцом не окончен и по сей день, и сравнительно немногие творцы могут заявить о себе, что они обеспечили финансовую стабильность. Парадоксально, но гораздо больше среди преуспевших на рынке – тех, кто производил не самую лучшую продукцию, но которая сумела найти «своего» потребителя, жаждущего простых «хлеба и зрелищ». Поэтому, с одной стороны, рынок освобождал художника от внешнего диктата со стороны Церкви или государства, но, с другой, ставил его в жесточайшую зависимость от капризов коммерческого спроса [\[14, с. 126\]](#).

Упоминая про коммерческую сторону массовой культуры, нельзя не отметить и пришедший с ней маркетинг, который принес в нее и свои ценности. Основная цель маркетинга – продвижение культурного продукта в массы, и для того, чтобы успешно ее достигнуть, был сформирован довольно сложный по структуре аппарат, включающий специалистов в различных областях научного знания: социологии, психологии, социальной философии. Значимой компонентой успеха любой маркетинговой системы можно назвать доступ к информации о предпочтениях и антипатиях потребителей, которую можно продавать корпорациям-производителям, а также знания, касающиеся наиболее эффективных приемов работы с групповым сознанием людей. Маркетинг в

данном случае становится организационно-коммерческим соединительным звеном между производителем и приобретателем масс-культурного продукта. Справедливым будет отметить, что и сам маркетинг в этой роли может генерировать ценности, причем, нередко, ложные.

Именно маркетинг способствует продвижению продуктов культурной индустрии на рынок культурного (а иногда и квазикультурного) потребления, нередко производя «вброс» простых, бесхитростных товаров – но в «культурной» обертке. Благо, достижения в области специального проектирования и дизайна дают возможность постоянно выпускать новые эталоны того, что зрительно, либо на слух адекватно воспринимается массой потребителей. В качестве примера такого эталона можно привести рисунок на конверте пластинки, проект оформления городского парка, онлайн-экскурсия по музею и т.п. Успешный маркетинг принимает деятельное участие в репертуаре театров, способствует финансированию кино, задает эталоны того, что «можно» или «нельзя» показывать по ТВ или выпускать в издательствах. Такой подход придает культурным процессам «соревновательный» характер, запуская в жизнь многократно повторяющийся процесс взлетов и падений «идолов» и «звезд». Строго выполняющий свои функции аппарат массовой культуры при этом строго дифференцирует духовную продукцию по типам потребителей.

Исходя из вышесказанного, мы приходим к выводу, что потребительская направленность общественного сознания современной России имеет вполне сформированную аксиологическую систему и подчинена потребительским запросам и желаниям отдельных людей. Как подчеркнул С.А. Храпов, «интериоризируя потребительские установки, образ жизни потребителя, идентификационные стили и ценности культуры потребления... человек тем самым укореняет данные мировоззренческие установки на уровне массового и общественного сознания» [\[3, с. 93\]](#).

Разумеется, на пути человека-потребителя первых десятилетий XXI в. встречаются и опасности, первая и главная из которых сформулирована отечественным экономистом В.В. Радаевым. Он отметил, что «его, человека-потребителя, действия подчинены одному главенствующему утилитаристскому мотиву – эгоистическому стремлению к собственному благу, выражаемому в максимизации полезности» [\[15, с. 7\]](#). А подобные проявления эгоизма, разумеется, снижают значимость вечных ценностей, вводя человека в строй иллюзорных, а потому ненадежных, ценностей.

Второй опасностью философ Р.И. Хахиашвили называет «рациональный телеологизм». Еще в XX в. он был вполне приемлем, но сегодня заставляет человека считать себя «существом совершенным», которое может спокойно идти по головам и интересам других, игнорирует их мнение и внутренне чувствует моральное превосходство над окружающими [\[5, с. 110\]](#). Заметим, что такое поведение сегодня весьма распространено в экономически развитых странах и вполне коррелирует с экономическими ценностями либерализма.

О третьей опасности поклонения Золотому тельцу говорит С.А. Храпов. Исследователь убежден, что решение данной проблемы затруднено тем, что, во-первых, она не осознается и, кроме того, никто из потребителей просто не будет задумываться над «абсурдной» мыслью о развенчании культа денег. Во-вторых, «...универсализация денег способствует отчуждению человека от культуры в ее классическом понимании» [\[3, с. 97\]](#).

Наконец, социолог Н.И. Зарубина предупреждает нас о еще одной опасности

абсолютизации ценности денег. «Деньги обнаруживают свойство отчуждать собственную социальную и культурную мотивацию, – пишет она, – парализуя таким образом волю человека» [16, с. 17]. Становясь «динамичным капиталом», они открывают человеку способность к самовозрастанию. Однако деньги могут и участвовать в процессе «отчуждения» личности, она готова чем-то пожертвовать, но не выводить деньги из оборота, ведь в этом случае теряется некая доля прибыли, которую эти деньги способны были бы принести. Именно поэтому «экономический человек», основной целью которого является рациональное преувеличение капитала, постепенно теряет свое подлинное культурное и социальное измерение, передает часть своих личностных свойств деньгам. Все это побуждает потребителей жертвовать многим ради возможности сохранить уровень потребления, что само по себе формирует благоприятную почву для аксиологических деформаций.

Однозначно позитивным моментом желания больше потреблять можно отнести желание больше работать для достижения своих целей. Впрочем, замена всех жизненных смыслов только одним – работой, тоже является тупиковым путем, ведь труд становится и средством материальной жизни, и целью, а стремление обладать материальным зачастую приводит к формированию откровенно деструктивного личностного потенциала, с которым она потом входит в общественные отношения. Во всем этом присутствует некий исторический парадокс: индивид на протяжении долгого времени пытался вырваться из-под гнета богов и «ошибок» природы, но, когда ему это удалось, сам рискует пасть жертвой неправильного выбора между духовным и материальным. Чтобы этого не допустить, человеку следует отказаться от выстраивания всей своей аксиологической системы только на основании ценностей консьюмеризма.

Подытоживая сказанное, заметим, что потребление актуализировало в первые десятилетия XXI в. ценности, сущностное содержание которых материализовано и далеко от классических ценностей, преподносимых в философии и, шире, в культуре XX столетия. Значительная часть этих ценностей отражает специфически-потребительский взгляд человека на новый мир, выстраиваемый самим человеком; их нельзя назвать однозначно позитивными, более того, как нам представляется, в анализе самого их корпуса преобладает ощущение довольно глубокого кризиса ценностных ориентаций, поскольку среди аксиологических ориентиров особо значимыми становятся эгоизм, фетиш денег, ценность бесконтрольного, максимального потребления. Социальный феномен соединения этих ценностей-квазиценностей-антиценностей все глубже пробирается в ткань социального бытия человека, воздействуя на его витальный мир в плане повышения тревожности, стремления к одиночеству, отчужденности от того, что не принимает деятельная, активная натура. Представляется, что избежать нарастания деструктивных тенденций можно через заключение потребления в разумные, контролируемые самим консьюмером, рамки, а также создание максимально комфортных психологических условий для разумного пользования благами современного общества.

Библиография

1. Алпатова О.Е. Изобилие и избыточность как феномены потребления // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. № 1-5. С. 1198-1201.
2. Имаи М. Кайдзен: ключ к успеху японских компаний / Масааки Имаи; Пер. с англ. 7-е изд. – М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2014.
3. Храпов С.А. Кризисные тенденции общественного сознания современной России. – Астрахань: ИД «Астраханский университет», 2009.
4. Маркузе Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества / пер. с англ. А.А. Юдина. М.: АСТ, 2003.

5. Хахиашили Р.И. Общественное сознание в России: актуальные тренды начала XX века: монография. – М.: МАКС Пресс, 2007.
6. Пичурин И.И. Необходим ли неограниченный рост потребления? URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/29826/1/978-5-321-02291-7_2013.pdf (дата обращения: 06.01.2024).
7. Горина В.В. Трансформация потребления в современном обществе // Контентус. 2019. № S11. С. 195-203.
8. Меликян М.А. Человек в обществе глобального потребления. В поисках оптимума // Ноосферные исследования. 2017. № 2 (18). С. 118-129.
9. Мельникова Л.В. Размеры городов, эффективность и экономический рост // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017. № 7. С. 5-19.
10. Коблева Э.А. Идеология потребления в духовной жизни современного общества // Манускрипт. 2017. № 1 (75). С. 115-118.
11. Оришев А.Б. Реклама в обществе потребления // Бизнес и дизайн ревю. 2017. № 2. С. 6-7.
12. Бадалян К.А. Общество потребления и социальный контроль в современном мире // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 11-2. С. 139-141.
13. Цымбал Е.А. Духовный мир и идентичность личности в обществе потребления // Философия права. 2017. № 4 (83). С. 56-62.
14. Хренков В.В. Общество потребления как общество отсутствия счастья: социально-философский анализ // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2017. № 1 (197). С. 126-129.
15. Радаев В.В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5-18.
16. Зарубина Н.И. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 13-21.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В представленном на рецензирование материале затрагиваются вопросы, связанные с ростом потребления и становлением в современном буржуазном обществе «культы потребительства». Неверно было бы ставить под сомнение теоретическую актуальность и практическую злободневность этой темы, однако, данный материал трудно рассматривать в качестве научной статьи, раскрывающей её содержание. Собственно, в тексте не сформулирована ясно проблема исследования, крайне слабым является аналитическая составляющая, а (представленные в последнем абзаце) «выводы» настолько банальны, что, думается, для формулировки столь тривиальных высказываний и никакого «исследования» проводить не требовалось. Значительную часть текста заполняет пересказ суждений различных авторов, причём приводимые цитаты или ссылки на их мнения не выявляют никакой логики, в них трудно увидеть последовательность, воспроизведение которой можно было бы связать с занимаемой самим автором исследовательской позицией. То и дело в изложении материала появляются вводные конструкции «трудно не согласиться с О.Е. Алпатовой...», «как считает М. Имаи...», «по мысли С.А. Храпова...», «...подмечает и немецкий социолог Г. Маркузе...», «...констатирует Р.И. Хахиашили», «социолог Н.И. Зарубина предупреждает нас», и т.п. В некоторых случаях и сами квалификации современных авторов или мыслителей прошлого вызывают вопросы и недоумение: «выдающийся моралист Л.Н. Толстой развивает эту мысль...»

(только ли «моралист»?); «политэкономист (? – рецензент) Е. Дюринг предлагает...», и т.п. Не меньшее недоумение вызывает концептуальное содержание многих высказываний и их стилистика. Например, уже в первом предложении читаем: «Современная социальная реальность дает благодатную почву для постоянного эволюционирования проблемы человеческого потребления, причем в ходе этого процесса она требует усиленного внимания к аксиологическим ориентирам данного процесса». Кажется, трудно было бы вообразить что-то менее удачное в смысловом и стилистическом отношении, чем «благодатная почва для постоянного эволюционирования проблемы человеческого потребления»! А кто «требует внимания» – «социальная реальность» или всё же «проблема»? А дальше читателя и вовсе поджидает «всё большая встраиваемость феномена «потребительства» в ткань жизненного мира человека», «трансформация ценностных векторов общественного сознания», и т.п. А чего стоит высказывание «Третью опасность поклонения Золотому тельцу поднимает С.А. Храпов»? Как бы ни была значительна заслуга этого исследователя, её отражение в научном тексте должно обрести «цивилизованную форму»! Ну как можно «поднимать опасность»?! Встречаются и простейшие ошибки, свидетельствующие об отсутствии у автора знакомства с историей культуры: «Аристотель утверждал, что ... Его последователь Лукреций...». Автор спутал Аристотеля с Демокритом? К сожалению, представленный материал ни по своему содержанию, ни по форме не соответствует критериям, предъявляемым к научным публикациям, рекомендую его отклонить.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования рассматриваемой статьи выступает потребление. Автор четко поясняет, что анализу подлежит потребление как ценностно-значимое социальное действие, то есть, его философский, а не экономический аспект. Подобный объект изучения интересен уже сам по себе, стремление же автора установить те изменения, которые переживает социум в связи с превращением установки на потребление в одну из ценностных установок современного общества, делает исследование еще более интересным.

Методология исследования сочетает в себе обобщение накопленного опыта осмысления феномена потребления в современном мире, и аналитику автора, обращающегося к собственным наблюдениям над происходящими в обществе процессами.

Актуальность изучения феномена потребления, как одной из основных установок общества, определяется расширением практики потребления и внутри конкретного социума и в масштабах охвата новых стран, уровень дохода населения которых позволяет осуществиться переориентации потребления с удовлетворения объективных потребностей на удовлетворение потребностей, навязываемых торговыми корпорациями. У автора вызывает беспокойство превращение жизненного мира современного человека в поле потребления, что делает его более прагматичным, жестким и «материализованным». Логичным было бы в этом ключе предложить альтернативу этой установки или наметить пути снижения ее влияния, однако эта тема остается за пределами авторского рассмотрения.

Научная новизна работы заключается в систематизации уже имеющихся знаний относительно социальных изменений, происходящих в обществе потребления, их негативных последствиях.

Стиль статьи характерен для научных публикаций в области гуманитарных наук, в нем присутствуют четкие формулировки ключевых тезисов и логически последовательная их аргументация. Структура и содержание полностью соответствуют заявленной проблеме. В первой части работы, автор обращается к констатации изменений, которое претерпевает само потребление в современных условиях, переставая быть чисто физическим усвоением товаров и услуг превращается, скорее, в идеалистическую практику «потребления знаков» и общество, включившее потребление в свою ценностную структуру. Автор указывает на тотальность потребления, которое под влиянием позитивизма и прагматизма занимает позицию мировоззренческого принципа современного человека. К факторам, способствующим утверждению потребления в статусе ценности, относятся как очевидные процессы – рост дохода населения, увеличение времени досуга, урбанизация, так и более сложные и латентные явления – стремление человека в непредсказуемом современном мире к ощущению стабильности, гарантированности своего существования. Во второй части статьи автор переходит к анализу негативных сторон аксиологизации потребления – утверждению этики эгоизма, снижающей значимость вечных ценностей; утверждению «рационального телеологизма» - внутреннего чувства морального превосходства над окружающими; поклонения Золотому тельцу; абсолютизации ценности денег. Даже в «однозначно позитивном» моменте потребления - желании больше работать для достижения своих целей, автор усматривает негативную сторону.

Апелляция к оппонентам активно используется автором, который выстраивает диалог с такими исследователями феномена потребления, как С.А. Храпова и Р.И. Хахиашвили. Кроме этого, в тексте присутствует обращение к идеям М. Имаи, Г. Маркузе, О.Е. Алпатовой, политолога В.В. Радаева, социолога Н.И. Зарубиной. Автор дает краткую исторический экскурс, указывая на позиции Демокрита, Лукреция, Л.Н. Толстого, Е. Дюринга в вопросе потребления материальных благ.

Библиография статьи включает 16 наименований работ указанных авторов.

Размышляя о потреблении как социальной практике, автор, к сожалению, не останавливается на различиях, которые очевидно существуют в потреблении современной России и развитых западных странах. Выводы, которые предлагаются автором и цитируемые им исследователями, во многом сделаны именно на основании анализа ситуации в Западном мире. Понятно, что потребление зависит и от уровня достатка, и от обеспеченности товарами, которые различны, скажем, для России и Великобритании. Однако автор в какие-то моменты просто переносит выводы сделанные относительно общества потребления в целом на Россию. Так же логично предположить, что установка на потребление должна зависеть от степени экономической дифференциации общества и отличаться в странах с «мягким» и более «жестким» регулированием рыночных отношений, например, в США и Финляндии. К сожалению эти, достаточно существенные аспекты проблемы, не затрагиваются автором. В результате мы имеем несколько абстрактные размышления об аксиологизации потребления и его отрицательных сторонах, которые мало что проясняют в вопросе социальной реальности конкретного общества. Разумеется, эти замечания не влияют на общую высокую оценку подставленной работы, которая в существующем виде представляет собой законченное и достаточно интересное исследование, а лишь указывают на стороны, которые могли бы быть исследованы в дальнейшем.

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Артеменков А.А. Антиномия современной трансформации человека и общества // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.68928 EDN: BPLFXR URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68928

Антиномия современной трансформации человека и общества

Артеменков Алексей Александрович

ORCID: 0000-0001-7919-3690

кандидат биологических наук

доцент, кафедра теоретических основ физической культуры, спорта и здоровья; Череповецкий государственный университет

162600, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский пр-т, 10, оф. 304

✉ artemenkov.alexej@yandex.ru

[Статья из рубрики "Социальная динамика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.68928

EDN:

BPLFXR

Дата направления статьи в редакцию:

09-11-2023

Аннотация: Цель исследования – дать характеристику основным тенденциям в трансформации человека и общества через понимание происходящих в нем изменений. Научная новизна исследования заключается в том, что автором теоретически установлены факты изменения жизненных целей современного человека и преобладание у него потребностей к самосовершенствованию и саморазвитию своей личности. Показано изменение всех социальных аспектов жизни человека: быта, культуры, способов общения, стандартов красоты, взглядов на жизнь и духовных ценностей. Отдельный акцент сделан на изменении предпочтений современного человека. Люди стали больше времени уделять карьере, финансовому благополучию, а семья сместилась на второй план. Расширилась свобода действий человека и способность «генерировать» новые идеи, и поэтому человеческое мышление стало рассматриваться как «продукт», изменяющий мир. Общество стало более открытым, а человек в нем – более общительным и изменился ментально. В статье высказана

озабоченность усилением процессов деградации в современном обществе из-за избытка информации, которая сделала человека более тревожным, депрессивным и одиноким. Тогда как в физическом плане человек стал слабее по причине изменения образа жизни с активного на сидячий. Для него стали наиболее важны уют, комфорт и развлечения. Возникла этическая проблема изменения природы человека ввиду трансформации биологического тела. Усилилась гиперопека детей и возросла их агрессивность. Высказывается мысль о разделении общества на две группы людей: активных, перспективных и волевых и слабых, нецелеустремленных личностей. В результате выявлен парадокс (антиномия современного трансформационного развития), заключающийся в том, что, чем лучше развиты современные технологии и комфорт, тем более бездеятельным становится человек.

Ключевые слова:

человек, общество, технологии, тенденции развития, трансформация, социальные взаимоотношения, антиномия, бытие, парадокс, модернизация

Введение

Почти каждый человек сегодня может сказать, что мы живем сейчас в парадоксальном мире и этот мир стремительно меняется. И хотя человечество достигло небывалого научно-технического прогресса, но оно не достигло одного – гармонии в развитии человека и общества. Конечно, с каждым годом люди улучшают свою жизнь и все вокруг, и развитие общества не стоит на месте, то есть происходит его постоянная трансформация. И эта общественная трансформация человека, в первую очередь, влияет на социальные отношения практически во всех сферах его жизни. Но вместе с тем, особенностью современного общества является его непредсказуемость. Поэтому человек все время меняется, прежде всего ментально и духовно. Он еще не научился жить уверенно в современном обществе, так как в нем изменчивы социально-политические и экономические процессы. Но самое главное, что изменилось мировоззрение у большей части населения. Каким оно стало? Заметим, что самая насущная мировоззренческая проблема, на наш взгляд, касается будущего человека как субъекта трансформирующегося мира. И поскольку современный человек сильно изменился в этом мире, то уже можно говорить о феномене постчеловека, ввиду появления множества факторов, приближающих нас к постчеловеческому будущему.

Видимо, социальная трансформация человека есть заданная и выработанная мера должных изменений в человеке для адаптации к жизни в обществе. Это определенный внутренний «сдвиг» в человеке, который приводит к повышению его жизненного потенциала при познании всего нового. А изучение всего неизвестного, как мы знаем, основывается на трансцендентальном учении о началах И. Канта, который выделил два аспекта человеческого познания – чувственность и рассудок [9, с. 64]. Именно они предопределяют современный этап развития человека в обществе, и человечество, за счет этого, делает огромный скачок в своем развитии. И в этом развитии претерпевают изменения мозг и разум человека. Следовательно, современная трансформация человека в обществе есть приспособление к сложившимся условиям жизни. Это процесс превращения или преобразования человека для «достижения» им определенного социального результата. Иными словами, трансформация человека в современном обществе – это внутренние изменения в человеке, определяющие его видение и понимание окружающего глобального мира. Конечно, в нынешних условиях социального

бытия эти трансформации происходят в соответствии с потребностями человека, но как раз это может стать проблемой для самого человека среди многих вызовов глобальной цивилизации. Так называемая потребностная трансформация человека имеет как минимум три аспекта – физическая трансформация тела, психическая трансформация души и социальная трансформация общества. И поскольку на протяжении всей жизни человека в обществе потребности непременно изменялись, то они и сейчас совершенно иные. Гораздо большее значение сейчас приобретают социальные потребности и вовлеченность в общественную жизнь. Отсюда вытекает изменение социальных ролей и стереотипов поведения человека в обществе.

Парадоксы современного развития человека и общества

Трансформацию человека в обществе сейчас можно рассматривать как ценностно-ориентированный процесс, целью которого является обеспечение свободы и достойного уровня жизни человека в эпоху глобальных преобразований [\[11, с. 9\]](#). Стремительное внедрение в практику новых конвергентных технологий, включающих создание глобального информационного пространства, сопровождается изменением социально-политического и культурного развития многих стран мира [\[1, с. 22\]](#). Ведь современное общество прогрессирует в своем развитии и все изменения в нем тесно связаны с человеком. А состояние человека в современном обществе меняется ввиду стремления людей к удовлетворению потребностей самоусовершенствования и саморазвития. В данной ситуации как бы срабатывает инстинкт самосохранения, направленный на выживание в современном обществе. Под действием этого инстинкта, люди ставят на первое место свои проблемы, а не чужие. Но в тоже время, современное общество стало более открытым и люди стали более доброжелательно относиться друг к другу. И именно такие социальные взаимоотношения людей должны играть важную роль в современном мире и положительно влиять на развитие общества.

А общество, как и живой организм, является открытой динамической и саморегулирующейся системой, которая постоянно совершенствуется под влиянием происходящих в нем событий. В таком динамичном обществе меняется и сам человек, изменяя все аспекты своей жизни: социальные потребности, быт, культуру, нормы и правила поведения. То есть, современному человеку приходится все время перестраивать себя, свое мышление и подстраиваться под изменяющиеся условия общественной жизни. Например, привыкать к новым стандартам красоты в молодежной среде, поскольку люди теперь отличаются друг от друга не только естественными природными качествами, но и искусственно созданными бодимодификациями (татуировками, пирсингом и др.). Но каждый такой опыт, путь даже негативный, имеет все-таки свое положительное практическое значение, поскольку общество в результате меняется в лучшую сторону. И та цифровая трансформация общества, которая есть уже сегодня, создает предпосылки для исследования структуры индивидуального сознания человека [\[7, с. 159\]](#). С другой стороны, такая новая социальная реальность оказывает и негативное влияние на современное общество. Она уже привела к возникновению «информационной интоксикации» современного человека, которая, к сожалению, уже препятствует адекватному осмыслению происходящих в мире социальных изменений, так как создала огромное пространство для манипуляции индивидуальным и массовым сознанием [\[12, с. 364\]](#). Отсюда следует, что коэволюция человека и техники в эпоху глобальных перемен привела к трансформации различных сфер жизнедеятельности человека и созданию новой социоприродной целостности под названием «гиперсвязанный мир» [\[2, с. 230\]](#).

В таком мире быстрыми темпами развиваются высокие технологии, что «заставляет» человека двигаться все время вперед для решения социальных проблем. Таким образом, научно-технический прогресс не стоит на месте, но он уже повлиял на физические и умственные способности человека и изменил его взгляды на жизнь, социальные и духовные ценности. Это стало возможным только в современном обществе, в котором установились новые принципы взаимодействия человека с техникой, сложились культурные и идеологические представления, которых не было ранее. К примеру, Интернет-общение (электронная почта, чат, форум, блог) стали обширной социальной площадкой для взаимодействия людей разных сфер деятельности [\[16, с. 64\]](#). Иными словами, трансформация человека в современном обществе происходит все больше в зависимости от происходящих в мире научных открытий и социальных событий.

Отсюда становится очевидным влияние современного общества, техники и информационных технологий на мозг и разум человека. В данном случае можно говорить о новом этапе ноосферной цефализации современного человека, проходящей в условиях техногенно-городской среды, поскольку сегодня большие и малые города стали центрами развития человечества [\[3, с. 113\]](#). Но одновременно с цефализацией возникает проблема усовершенствования человека, с позиции идей трансгуманизма и с этической стороны изменения телесности и природы человека [\[4, с. 177\]](#). Таким образом получается, что информационные технологии с одной стороны упростили жизнь человеку, а с другой – создали трудности в реальном общении людей друг с другом. И вслед за развитием технологий и искусственного интеллекта стал совершенствоваться человеческий мозг. Ю.Н. Харари по этому поводу говорит следующее: «Но как только технологии позволят нам реконструировать человеческий мозг, *Homo sapiens* исчезнет, история человечества закончится и начнется абсолютно новый, недоступный нашему с вами пониманию процесс» [\[18, с. 59\]](#). Действительно, наш мозг и разум уже сейчас претерпевают кардинальные изменения в связи с поступающей в него информацией. Современный мир стал сложным и многогранным, что, конечно, делает нас более общительными, открытыми и более терпеливыми. Этот мир способен хорошо удовлетворять наши материальные потребности, но не потребности социально-психологические. Поэтому сейчас во всем мире у людей широко распространены тревога, депрессия и одиночество.

Конечно, жизнь человека стала легче в физическом плане благодаря автоматизации труда. Но в условиях городской среды наш организм постоянно находится в напряжении и все время подстраивается под ее ритм, что создает для человека стресс и беспокойство. Но зато в связи с автоматизацией труда у человека появилось больше времени для самореализации и развития своей личности. То есть, в современном обществе появилась возможность широкой свободы действий и выбора занятий по душе, что, конечно, способствует появлению новых идей. С появлением новой социальности изменились отношения общества к таким явлениям как однополые браки, эвтаназия, то есть, произошло смещение акцента в жизни человека с социального на биологический. Другим важным моментом является изменение коммуникации между людьми и формирование новых представлений о времени и пространстве под влиянием сети Интернет и компьютерных игр [\[15, с. 17\]](#).

Разумеется, современные технологии прочно вошли в нашу жизнь, поскольку они предоставляют человеку больше возможностей для развития познавательных способностей и интеллекта. Но помимо развития когнитивной сферы у человека в современном обществе изменились взаимоотношения людей друг к другу и к своему

месту в мире. Этому способствовало изменение ценностей у людей. Люди стали больше времени уделять саморазвитию, карьере, а семья, как ячейка общества, сместилась на второй план и ее создание перестало быть главной целью современного человека. Но в тоже время, из-за развития техники и технологий в мире сейчас происходит унификация и глобализация культуры, что положительным образом сказывается на самом человеке. Более того, в современном обществе появилось больше возможностей для реализации своих творческих способностей. И в силу неравновесности и противоречивости социальных процессов у каждого индивида формируется способность видения своего места в обществе [\[14, с. 5\]](#). И поскольку человек усваивает все то, что было накоплено в обществе ранее, то его мировоззрение формируется в результате сознательного опыта. И поэтому можно с уверенностью сказать, что отдельно взятый человек не в состоянии изменится вне общества, и этот процесс изменения является общественным явлением. То есть, определенная часть людей в обществе всегда трансформируется под влиянием происходящих в нем событий. Поэтому общество усложняется в своем развитии и весь глобальный мир не стоит на месте. Это происходит потому, что человек живя в обществе, все время изучает что-то новое, а это значит, что человеческое мышление активно развивает и совершенствует общество. Иными словами, человек развивается вместе с обществом. Отсюда вытекает насущная проблема будущего «постчеловека» [\[8, с. 103\]](#).

И поскольку человек, как часть общества, меняется в большей степени ментально, он быстрее интегрируется в медиапространство. Такие изменения в человеке наиболее заметны при жизни в условиях больших мегаполисов развитых стран мира. И это очевидно уже сейчас, поскольку человек всегда стремится к социальному прогрессу, а с появлением свободы действий у него развиваются еще и способности для самосовершенствования и реализации себя в обществе. Именно поэтому каждый человек пытается как можно быстрее привыкнуть к обществу и старается во всем ему соответствовать. Ведь человек не может жить без общества. Он есть часть общества. Однако человек не всегда «успевает» совершенствоваться вслед за развитием общества потому, что оно слишком быстро меняется. Глобальные тенденции социально-экономического развития общества лавинообразно проникают в повседневную жизнь многих людей и обуславливают качество жизни населения [\[19, с. 68\]](#). Отсюда следует, что проявлением трансформации человека является изменение его привычного образа жизни и социальных взаимоотношений, способов общения и привычек. Еще одним аспектом трансформации человека является изменение его отношения к информации, доступ к которой стал, по сути дела, неограниченным. Но в связи с большим ее потоком появилось много «информационного шума», то есть, информация стала более сложной, многозначной. От переизбытка информации люди меньше стали вникать в нее, делая порой поверхностные и быстрые выводы, не дочитывая тексты до конца. Тем не менее, положительное значение для человека и общества имеет открытость информации и свободный доступ к ней. Ведь человек и информация в настоящее время связаны намного теснее, чем в предыдущие эпохи. От информации сейчас зависит многое: экономика, политика, жизнь, безопасность и здоровье человека. Иными словами, человек и информация в современном обществе максимально сближены, так как человек является носителем информации, которая обогащает его и общество. Однако с большим потоком информации важно уметь «работать»: анализировать ее, чтобы отсеивать ложные данные, и понимать то, что действительно находится перед нами. Отсюда вытекает проблема перегрузки человека информацией из-за недостатка времени для ее усвоения. Для решения этой проблемы нужно развивать в себе навыки критического мышления. Так как понимание и использование информации является важным навыком в современном мире, который помогает человеку успешно работать и жить в современном

обществе.

Одновременно в связи с большим информационным потоком сильно изменились личностные качества человека. На первый план у него стали выступать такие качества как стремление к успеху, популярность, решительность и способность к самоусовершенствованию и самореализации. Для современных людей стал важен в первую очередь комфорт и уют, а также всевозможные развлечения и быстрое исполнение желаний. Такие люди уже не хотят выходить из зоны комфортной жизнедеятельности. Но более глубокое осознание происходящих в обществе событий развивает мозг и интеллект. И поскольку у человека имеется самый большой интеллектуальный потенциал среди всех живых существ, то он способен быстро изменяться, чтобы соответствовать требованиям современного общества.

Отсюда следует, что трансформация человека в современном обществе изменила систему существующих ранее отношений между людьми, природой и обществом. Но досадно осознавать, что помимо прогрессивного развития человеческого общества в нем стали проявляться признаки деградации, а высшие духовные ценности, такие, как истина, добро и красота стали часто подменяться пользой и прибылью [\[6, с. 52\]](#). Следовательно, в современном обществе, большое количество людей стало работать ради заработка, а определенная часть человеческого общества стала деградировать в связи с отсутствием цели в жизни и в связи с отсутствием работы. В такой части общества основным признаком трансформации человека стала утрата контроля над происходящими переменами, манипуляции поведением и неопределенность в жизни вследствие разворачивания системных противоречий [\[5, с. 6\]](#). Кроме того, физическое и психическое здоровье людей стало заметно хуже из-за того, что образ жизни многих людей сменился с подвижного на сидячий. А ускорение темпов технологических и социальных изменений, таких как «рост нестабильности» в обществе привел к трансформации природного тела человека. То есть появились услуги по изменению частей тела без необходимых на то медицинских показаний. Человек стал более эгоистичным и ожидает много от общества и власти. В тоже время частое использование цифровых средств коммуникации привело к повышению психологической нагрузки на организм человека и нарастанию чувства одиночества среди людей во всем мире, что создало угрозу для благополучия социума в целом [\[20, с. 97\]](#).

Как мы видим, человек в современном обществе стал носителем научно-технического прогресса в условиях нарастающего антропологического кризиса, при котором произошла переоценка моральных ценностей в сфере человеческого бытия [\[10, с. 77\]](#). Ведь не зря в свое время Ф. Ницше говорил следующее: «Может быть, мы стоим на пороге периода, который, употребляя отрицательный оборот, следовало бы назвать внеморальным» [\[13, с. 46\]](#). Игнорирование моральных принципов жизни в современном обществе стало возможным несмотря на то, что человеку доступно много видов физической активности и оздоровления собственного организма. Но несмотря на это люди все чаще выбирают пассивный образ жизни взамен активного отдыха и довольствуются автоматизированностью быта. Именно поэтому из-за недостатка движений физические упражнения стали для людей более сложными для выполнения. Возникла угроза ослабления людей в физическом плане. Возможно поэтому трудолюбивых людей в нашем обществе становится все меньше и меньше. По сути дела, современное общество сейчас разделилось на два типа людей: тех, которые воспитывают в себе морально-волевые качества, дисциплину и ответственность, и тех, кто плывет по «течению» жизни, не прикладывая никаких усилий для своего развития.

Конечно, человек свободен в выборе своего жизненного пути. И здесь следует вспомнить слова К. Ясперса, который говорил: «С технизацией мира мы вступили на путь, по которому надлежит следовать дальше. Повернуть вспять означало бы затруднить существование до невозможности» [21, с. 178]. Таким образом, Ясперс понимал, что обратного пути развития у человечества нет. И поэтому зависимость человека от технологий стала главной проблемой человечества. Человек еще не научился благополучно жить в современном обществе, но все же стремится найти свое место в этом техногенном мире.

Но помимо развития техники и технологий в современном обществе среди родителей стала «процветать» гиперопека детей и тотальный контроль за ними. Может быть поэтому некоторые дети порой становятся агрессивными и беспощадными, потому что растут в комфортных условиях, предоставленных им родителями. И здесь следует обратиться к Э. Фромму, который рассуждая о предпосылках возникновения деструктивности и агрессивности у человека указывал на то, что человек создал сам себе условия жизни, способствующие проявлению этих качеств. Более того, человек преднамеренно сделал эти условия нормой своей жизни и поэтому гиперагрессивность человека следует объяснять не более высоким потенциалом агрессии у него, а тем, что условия, вызывающие агрессию в человеческом обществе, встречаются значительно чаще, чем у животных в естественной среде обитания [17, с. 281]. В итоге получается интересный парадокс (антиномия эволюционного и цивилизационного развития): *чем лучше развиты современные технологии и чем более комфортными являются условия жизни людей, тем более бездейственными и «беспомощными» они становятся.*

Заключение

Современное общество сейчас претерпевает большие изменения, связанные с трансформацией человека в плане изменения его биосоциальности. У человека изменились базовые потребности, взгляды на жизнь и духовные ценности. Это указывает на то, что в скором времени нам следует ожидать совершенно другое общество, чем сейчас. Парадокс заключается в том, что в одной стороны человек стал больше заниматься самосовершенствованием и саморазвитием себя, стремится к знаниям, открытиям и познанию окружающего мира с целью выживания в нем. А с другой стороны в современном обществе изменился образ жизни людей с активного на пассивный, поэтому человек стал физически слабее. Постепенно поменялись привычки и способы общения людей друг с другом. У человека на первый план стали выступать такие личные качества как стремление к успеху и популярности. Люди стали больше ценить комфорт, уют и исполнение своих желаний. То есть изменились предпочтения людей и появилась новая социальная реальность. Кроме того, в обществе существенно усилились процессы деградации людей и повысилась их агрессивность. Но несмотря на эти противоречия, общество уже давно модернизируется во всех аспектах своего развития. А антиномия современной трансформации человека в обществе может стать одной из важнейших методологических основ современных теорий общественного развития.

Библиография

1. Азнагулова Г.М. Техногенные процессы и тенденции трансформации государственно-правовой идентичности личности // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 3. С. 22–34.
2. Андреев А.Л., Селиванов Д.А. О трансформации техники, технологий, сфер жизнедеятельности общества и сознания человека, связанных с цифровой эпохой // Философия хозяйства. 2021. № 5 (137). С. 230–249.

3. Артеменков А.А. Нооцефализация современного человека в условиях техногенно-городской среды // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 22, № 4. С. 113–121.
4. Артеменков А.А. Проблема усовершенствования человека в современном обществе: человек и машина // Манускрипт. 2023. Т. 16, Выпуск 3. С. 177–185.
5. Веряскина В.П. Трансформация человека в обществе риска: роль социальных и биомедицинских технологий // Вестник государственного университета «Дубна». Серия «Науки о человеке и обществе». 2019. № 2. С. 6–18.
6. Войцехович В.Э., Скиба И.Р. Трансформация человека и общества в эпоху информационной революции. Проблемы и размышления // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Философия». 2018. № 4. С. 52–62.
7. Галаганова С.Г., Кравец П.С. Субъективное семантическое пространство человека в условиях цифровой трансформации общества // Человеческий капитал. 2022. № 10 (166). С. 159–172.
8. Губанова М.А. Трансформация человека в глобальном сетевом обществе // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2020. № 4. С. 103–109.
9. Кант И. Критика чистого разума. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018. 768 с.
10. Кривоносова Е.Э., Рудковский Э.И. Информационное общество и трансформация ценностных изменений духовного мира человека // Ученые записки УО ВГУ имени П.М. Машерова. 2019. Т. 29. С. 77–82.
11. Лукашева Е.А. Трансформационные процессы XXI века: институциональный контекст // Труды института государства и права РАН. 2018. Т. 13, № 5. С. 9–39.
12. Митрохин В.А. Социум, информация, техника: проблемы взаимодействия // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8, № 4 (29). С. 364–366.
13. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус. 2018. 240 с.
14. Савиков Ю. Объективная основа и субъективные особенности жизнедеятельности человека в условиях сетевой трансформации общества // Вести института предпринимательской деятельности. 2021. № 2 (25). С. 5–11.
15. Сытых О.Л. Человек в контексте становления новых социальных отношений // Гуманитарный вектор. 2016. Т. 11, № 2. С. 17–22.
16. Тасуева С.И. Интернет как средство для общения и его национальные секторы // Известия Чеченского университета им. А.А. Кадырова. 2023. № 1 (29). С. 64–69.
17. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Издательство АСТ. 2018. 736 с.
18. Харари Ю.Н. Homo Deus. Краткая история будущего. М.: Синдбад. 2022. 496 с.
19. Церкаевич Л.В., Макаренко Е.А. Развитие влияния цифровизации на качество жизни населения // Научный и общественно-политический журнал. 2020. № 4 (63). С. 68–78.
20. Якушина О.И. Современные цифровые средства коммуникации и их влияние на построение личных отношений // Теория и практика общественного развития. 2023. № 7. С. 97–106.
21. Ясперс К. Власть массы. В кн. Призрак толпы. М.: Родина. 2021. 304 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье «Антиномия современной трансформации человека и общества» предмет исследования – это социальная трансформация человека как мера должных изменений в человеке для адаптации к жизни в обществе. Цель исследования в явном

виде не сформулирована. Следует обратить внимание на то, что в данной работе акцент делается на человеке, а общество рассматривается лишь как фон. Поэтому возможно целесообразно изменить название работы.

Теоретико-методологические основы исследования в явном виде не заявлены. Методология исследования в данной работе во многом опирается на учение И.Канта, который выделял два основных аспекта человеческого познания - чувственность и рассудок. Данный концептуальный подход позволяет автору аргументировать двойственный характер трансформации человека, затрагивающий как изменения в функционировании мозга и интеллекта, так и в сфере чувственно-эмоциональной природы личности.

Актуальность работы связана с необходимостью осмысления и оценки глубоких противоречий, сопровождающих трансформацию человека и общества в условиях глобализации, цифровизации и изменения ценностных ориентиров. Сегодня существует острая необходимость в разработке новых концептуальных подходов, способных охватить и проанализировать сложные и разнонаправленные процессы, происходящие на уровне личности и общества. Данная работа представляет собой определённый шаг в этом направлении.

Научная новизна публикации определяется аргументацией следующего парадокса трансформации человека: с одной стороны, он стремится к самосовершенствованию, знаниям и познанию окружающего мира, а с другой стороны, он стал более пассивным, что ведет к его физической деградации. В статье показано, что на первый план вышли такие личностные качества, как стремление к успеху и популярности, возросла ориентация людей на комфорт, уют и исполнение желаний, существенно усилились процессы деградации людей и повысилась их агрессивность. Следует согласиться с тем, что в скором времени нам следует ожидать совершенно другое общество, появится новая социальная реальность, а в этом случае «антиномия современной трансформации человека в обществе может стать одной из важнейших методологических основ современных теорий общественного развития».

Данная публикация характеризуется последовательностью, логичностью и грамотностью изложения материала. Статья будет представлять интерес для специалистов в области философской антропологии.

Библиография работы включает 21 публикацию. В список входят как работы классиков философии по проблемам сущности человека, так и современные публикации, отражающие процессы трансформации человека и общества. Таким образом, апелляция к основным оппонентам из рассматриваемой области присутствует в полной мере.

Таким образом, представленная на рецензирования статья «Антиномия современной трансформации человека и общества» имеет научно-теоретическую значимость. Работа может быть опубликована.

Англоязычные метаданные

The concept of man-made civilization: problematization and characterization

Rozin Vadim Markovich

Doctor of Philosophy

Chief Scientific Associate, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences

109240, Russia, Mskovskaya oblast', g. Mskow, ul. Gonchamaya, 12 str.1, kab. 310

✉ rozinvm@gmail.com

Abstract. The article begins with an analysis of the concept of technogenic civilization by V.S. Stepin. The problems that arise when considering this concept are indicated: how are synergetic and systemic discourses related to cultural studies, can modernity and its prerequisites (antiquity and the Middle Ages) be compared as separate cultures, is it correct to take modernity and the traditional type of culture as a whole for analysis, while they consist of different cultural formations. It is suggested that the explanation of modernity, taking into account technogeneity, does not imply a cultural comparison, although it can also be used, but as one of the aspects of the solution, but rather the genesis of modernity, including in terms of clarifying the problem of technogeneity. A scheme of such genesis is being outlined. The transition to a New Time, according to the author, included the formation of states with different structures and faiths, the formation of new social communities with the proclamation of equality and freedom of their participants, the change of the sacred picture of the world to nature, obeying natural, eternal laws. These processes, including a new cultural project, were conceptualized by Francis Bacon, who formulated the project of mastering nature under the condition of restructuring human consciousness, creating a new science (natural science) based on it "new magic" (in fact, engineering), industry based on scientific knowledge and engineering, and all this had to be provided by a new a social organization. Two concepts of nature and technology, characteristic of that time, differ – "vital" and "mental" and the competition between them. In the second half of the XVIII century, mental technology began to displace vital technology, which gave rise to the first environmental crisis in Europe, which was a prerequisite for the formation of engineering and technology, as well as the first industrial revolution. Their distinction is carried out. The essential characteristics of a technogenic civilization are summarized. The work ends with a discussion of the crisis of man-made civilization.

Keywords: sociality, realization, project, technogenicity, culture, civilization, crisis, problems, mind, technic

References (transliterated)

1. Akhutin A. Ponyatie «priroda» v antichnosti i Novoe vremya («fyusis» i «natura»). M.: Nauka, 1988. 205 s.
https://aspirant.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_44_4680/prochee/Akhutin__A._V._-_Ponjatie_priroda_v_antichnosti_i_v_Novoe_vremja__fjusus_i_natura___M._1988.
2. Brodel' F. Struktury povsednevnosti. Vozmozhnoe i nevozmozhnoe // Fernan Brodel' Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. per. s fran. L.E. Kubellya. T. 1. M.: Progress, 1986. 609 s.
3. Bekon F. Novyi organon. M.: Sotsekgiz, 1935. 244 s.

4. Bekon F. Velikoe vosstanovlenie nauk. Soch. v 2 t. T. 1. M.: Mysl', 1971. 590 s.
5. Gorokhov V.G. Filosofstvuyushchie inzhenery i pervye filosofy tekhniki // Filosofiya tekhniki: istoriya i sovremennost'. IFRAN, 1997. S. 11-38.
6. Gyuigens Kh. Tri memuara po mekhanike. M.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1951. 377 s.
7. Estestvennoe pravo. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Estestvennoe_pravo.
8. Kant I. K vechnomu miru // Elektronnaya biblioteka. Grazhdanskoe obshchestvo v Rossii. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.p.
9. Kondorse Zh.A. Eskiz istoricheskoi kartiny progressa chelovecheskogo razuma. Perevod I.A. Shapiro M.: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (SOTsEKGIZ), 1936. 266 s.
10. Krevel'd M. Rastsvet i upadok gosudarstva. M.: IRISEN, 2006. 544 s.
11. Kuzanskii N. Ob uchenom neznanii. URL: http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm.
12. Mesyats S. Priroda // Novaya filosofskaya entsiklopediya v 4 t. T. 3. M.: Mysl', 2001. S. 346-352.
13. Natsiya. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Natsiya>.
14. Ogurtsov A.P. Filosofiya nauki epokhi Prosveshcheniya. IF RAN. M., 1993. 213 s.
15. Rachkov V.P. Tekhnika i rol' v sud'bakh chelovechestva. Sverdlovsk: Uprinformpechat', 1991. 328 s.
16. Rozin V.M. Fenomenologicheskoe osmyslenie M. Khaideggerom tekhniki (na materiale stat'i «Vopros o tekhnike») // Filosofiya nauki i tekhniki 2023. T. 28. № 2. S. 49-62.
17. Rozin V.M. Priroda i genezis tekhniki. M.: De'Libri, 2024. 390 s.
18. Rozin V.M. Stanovlenie ekonomiki v Evrope XVIII stoletiya kak osoznannoi nauchnoi real'nosti i distsipliny // Filosofiya nauki i tekhniki 2020. T. 25. № 1. S. 81-95.
19. Rozin V.M. Priroda: Ponyatiya i etapy razvitiya v evropeiskoi kul'ture. M.: LENAND, 2017. 240 s.
20. Rozin V.M. Stanovlenie tekhnologii / Rozin V.M. Priroda i genezis tekhniki. S. 173-179.
21. Saprykin D.L. «Nauchnyi orden» Frensisa Bekona: zarozhdenie nauchnogo obshchestva novogo tipa. URL: <https://www.metodolog.ru/00392/00392.html>.
22. Stepin V.S. Korennoi perelom tsivilizatsii // Ekologiya i zhizn'. – 2012 . № 5 . S. 10-14. URL: <http://www.ecolife.ru/exlibris/50398/>.
23. Fedotova V.G., Kolpakov V.A., Fedotova N.N. Global'nyi kapitalizm: tri velikie transformatsii. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2008. 608 s.
24. Khaidegger M. Vopros o tekhnike. 1993. URL: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike.
25. Martin J. Francis Bacon, the State, and the Reform of Natural Philosophy. Cambridge UP, 1992. p. 72-171.

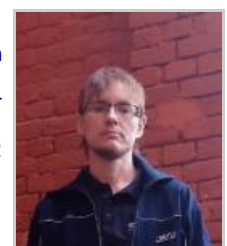
Systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms (Part One)

Ufimtsev Aleksandr Evgenevich

independent researcher

660122, Russia, Krasnoyarsk Territory, Krasnoyarsk, Transit str., 48, sq. 32

✉ ufimtzev@inbox.ru

Smirnova Marina Mikhailovna

independent researcher

668312, Russia, Republic of Tyva, Mezhegey village, Lenin str., 69, sq. 1

✉ knyam2020@mail.ru

Abstract. The work is devoted to the conceptual understanding of trends in the development of scientific knowledge. The discovered patterns are universal and manifest themselves in a number of scientific disciplines.

The section "Systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms in linguistics" presents various understandings of anthropocentrism. The systemic-structural and anthropocentric paradigms are considered through the prism of sign theory. The theory of the sign is extended to other fields of scientific knowledge. Based on the material of a number of scientific disciplines, the relevant sections of the article show the implementation of systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms: in some sciences – in the form of paradigms (linguistics), in others – in the form of separate concepts, theories and trends (literary studies, exact sciences, religious studies). In addition, the implementation of systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms in the works of individual researchers is shown: "The structure of scientific revolutions" by T. S. Kuhn. The systemic-structural and anthropocentric paradigms are compared with the theory of the sign. The meta-paradigms correlating both the plane of expression and the plane of content in the theory of the sign are highlighted. The meta-paradigm is understood as a conceptually generalized set of scientific concepts in a number of fields of scientific knowledge, as a system of many paradigms determining the development of scientific knowledge in various scientific disciplines. The article examines the theory of the sign in an interdisciplinary aspect.

The conclusion is made that one can understand anthropocentrism in an extremely integrated way: as taking into account the sum of restrictions on the way of embodying the sign system in the linguistic and speech activity of the subject – and the sum of restrictions on the way of realizing the subject in the sign system and speech activity. An assumption is made: language is determined by the type of thinking inherent in the subjects using it. An assumption is made about the connection between signaling systems and thinking. New terms have been introduced: bioessential determinism, bioessential deterministic meta-paradigm, system-structural meta-paradigm. The systemic-structural meta-paradigm is understood as a meta-paradigm of a formally oriented nature, the bioessential-deterministic one as an essentially oriented meta-paradigm.

The characteristics of the systemic-structural and bioessential-deterministic meta-paradigms are given on the example of linguistics. The universality of the nature of the meta-paradigm shift is shown. Currently, the systemic-structural meta-paradigm is being replaced by a bioessential-deterministic one.

Keywords: bioessential determinism, sign theory, bioessential-deterministic meta-paradigm, system-structural meta-paradigm, anthropocentric paradigm, system-structural paradigm, metaparadigm, meta-paradigm, paradigm shift, paradigm

References (transliterated)

1. Alpatov V. M. Dva podkhoda k izucheniyu yazyka // Istoriya i sovremennost'. 2016. №1 (23). S. 198–220. EDN WAYDFZ.
2. Voloshinov V. N. (M. M. Bakhtin). Marksizm i filosofiya yazyka: Osnovnye problemy

- sotsiologicheskogo metoda v nauke o yazyke. Kommentarii V. Makhlina. M.: «Labirint». 1993. 194 s.
3. Bugorskaya N. V. Antropotsentrizm kak kategoriya sovremennogo yazykoznaniya // Voprosy psikholingvistiki. 2004. № 2. S. 18–25. EDN LAUJPJ.
 4. Ivanov D. I., Lakerbai D. L. Antropotsentricheskaya paradigma i lingvoorientirovannaya gumanitarnaya teoriya // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 11–2(65). S. 81–86. EDN WWXNQD.
 5. Frumkina R. M. «Teorii srednego urovnya» v sovremennoi lingvistike. Zhurnal «Voprosy Yazykoznaniya». Rossiiskaya akademiya nauk. Otdelenie literatury i yazyka RAN, 1996. M.: «Nauka», 1996, № 2. S. 55–67.
 6. Emel'yanov V. V. Razvitie golosa. Koordinatsiya i trening : uchebnoe posobie / 9-e izd., ster. Sankt-Peterburg: Lan': PLANETA MUZYKI, 2020. 168 s.
 7. Pavlov I. P. Polnoe sobranie sochinenii. Tom 3. Kniga 2. M.-L.: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1951. 435 s.
 8. Bulychev I. I. K voprosu ob ontologicheskoi strukture soznaniya // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 1997. № 2(6). S. 26–31. EDN NUVTYR.
 9. Slavutin E. I., Pimonov V. I. Problema proiskhozhdeniya yazyka v filosofsko-semioticheskom aspekte // Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki. 2014. № 2(10). S. 46–55. EDN SIYDTR.
 10. Alpatov V. M. Chto i kak izuchaet yazykoznaniye // Voprosy yazykoznaniya. 2015. № 3. S. 7–21. EDN UBEBEJ.
 11. Gete I. V. Faust. Per. s nemetskogo N.A. Kholodkovskogo. Sankt-Peterburg, Izdatel'stvo «Azbuka». 2000. Tekst pechataetsya po izdaniyu: Gete I.-V. Sobr. Soch.: V 13 t. M., 1947. T. 5. 520 s.
 12. Erovenko V. A., Mikhailova N. V. «Nachala» Evklida v mirovozzrencheskom aspekte sovremennoi filosofii matematiki // Matematicheskie struktury i modelirovanie. 2023. № 1(65). S. 34–45. DOI: 10.24147/2222-8772.2023.1.34-45. EDN GFOPHL.
 13. Yarygin N. N. Vera v nauchnom poznanii // Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. 2011. № 2–4. S. 26–30. EDN OYFGZP.
 14. Rozin V. M. Matematika: stanovlenie, obosnovanie, razreshenie krizisa // Idei i idealy. 2023. T. 15, № 1–2. S. 372–387. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-372-387. EDN IBIKUJ.
 15. Moshe ben Maimon. Kniga zapovedei. M.: Knizhniki; Lekhaim, 2013. 629 s.
 16. Brodskii I. A. Aktovaya rech' // Sochineniya Iosifa Brodskogo v 7 tomakh. Tom 5. SPb.: Pushkinskii fond, 2001. 376 s.
 17. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions / 3rd ed. University Of Chicago Press, 1996. 226 p.

Factors of transformation of mass forms of celebration in modern culture

Saenko Natalya Ryafikovna

Professor of the Department of Humanitarian Disciplines, Moscow Polytechnic University

38 Bolshaya Semyonovskaya str., Moscow, 107023, Russia

✉ rilke@list.ru

Abstract. This study examines the transformations of mass celebration events within the framework of the modern culture of participation, which is a kind of resistance to consumerism, overcoming the passivity of the viewer of screen culture. The mass celebration of the late modern era is a new platform for civic engagement, which has both productive aspects and risks. Special attention is paid to the analysis of such features of these changes, which, firstly, are acquired by modern forms of celebration in the process of these cultural transformations, and, secondly, remain stable and repeat themselves within the framework of modern mass culture from one form of celebration to another, changing only externally, but not changing in essence. A mass celebration is a cultural phenomenon following museum practices, to which the concept of a culture of participation is extrapolated. Thus, the concept of a culture of participation transcends the boundaries of political science and acquires the status of either interdisciplinary or culturological. The concept of a "culture of participation" is a methodological principle for considering and analyzing modern mass celebrations. In addition, the research is based on a number of fundamental scientific works by M. McLuhan, M. Castels, M. Horkheimer, T. Adorno, J. Baudrillard. Based on the results of the study, the initial causes and subsequent mechanisms for maintaining high rates of cultural dynamics are identified and analyzed, which collectively determine these intracultural transformational processes. In conclusion, the role of the general sociogenesis of modern mass culture in its transition to the space of information culture, which allows using its engineering, technical and technological solutions and achievements in the process of implementing new forms of online celebration, but at the same time imperceptibly changing cultural reflection and consciousness of a modern person, is considered in detail. The modern "culture of celebration" is, in fact, one of the most significant and noticeable directions of the socio-cultural formalization of the culture of participation. In the artificially created chronotope of the holiday, society opens up from the inside and completely to itself, creating truly unprecedented conditions for updating and increasing the level of its own internal integration. The existing culture of celebration assumes that most of the possibilities of a culture of participation are most actively realized in the scenario, staging and performative part of the organization of any kind of festive events or ceremonies.

Keywords: innovation, tradition, cultural reflection, paradigms of cultural development, causation of acts of participation, culture of participation, mass celebration, The ritual, The spectacle, popular culture

References (transliterated)

1. Baskakov S. S., Nekita A. G., Malenko S. A. Kul'turnye industrii v palitre nauchnykh interpretatsii // Brennoe i vechnoe: kul'turnye industrii v sotsial'nykh kontekstakh: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, Velikii Novgorod, 21–22 noyabrya 2022 goda / Sost. i otv. redaktery: S.A. Malenko, A.G. Nekita. Velikii Novgorod: Novgorodskii gosudarstvennyi universitet imeni Yaroslava Mudrogo, 2023. S. 19-25.
2. Bodriyar Zh. Simvolicheskiy obmen i smert'. M.: Ripol-klassik, 2012. 512 s.
3. Verkhovskaya S. B. Mediakul'tura kak faktor transformatsii soznaniya // Vestnik ugrovedeniya. 2011. № 11. S. 93-99.

4. Debor G. *Obshchestvo spektaklya*. M.: AST, 2022. 256 s.
5. Emel'yanov A. V. *Massovaya kul'tura: aspekty transformatsii* // *Molodoi uchenyi*. 2012. № 11 (46). S. 233-236.
6. Kastel's M. *Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo, kul'tura*. M.: GU VShE, 2000. 608 s.
7. Kovaleva S. V., Grgor'ev S. L. *Homo Affectus kak antropologicheskii proekt ekrannoi kul'tury* // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*. 2023. № 1(869). S. 141-147.
8. Koroleva E. B., Ledentsova E. K. *Kul'tura uchastiya kak «khorosho zabytoe staroe»* // *Elar.urfu.ru/ [Elektronnyi resurs]* URL: <https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/36569/1/dc-2015-62.pdf> (Data obrashcheniya: 15.10.2023).
9. Korotkova M. V. *Partitsipatornye strategii i kul'tura uchastiya v muzeinoi pedagogike* // *Nauka i shkola*. 2020. № 4. S. 97-102.
10. Kortunov V. V., Saenko N. R. *Emotsional'nye antinomii sovremennosti* // *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke*. 2022. T. 11, № 5-1. S. 83-91.
11. Kortunov V. V., Saenko N. R. *Novye modusy emotsii v sovremennoi kul'ture* // *Russian Studies in Culture and Society*. 2022. T. 6, № 3. S. 53-67.
12. Lobanova Yu. V., Saenko N. R. *Sovetskii entuziazm v kontekste istorii emotsii* // *Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik kak istoriko-kul'turnyi fenomen: natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo : doklady 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya SSSR, Moskva, 20 dekabrya 2022 goda*. – Moskva: federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskii politekhnicheskii universitet", 2022. S. 264-270.
13. Magsumov T. A., Safina A. M., Markova N. G., Ganieva A. M. *Profil'naya smena yazykovogo lagerya dlya detei: aktual'nye napravleniya raboty* // *Russian Journal of Education and Psychology*. 2022. T. 13, № 2-2. S. 45-55.
14. Mainy Sh. B., Choodu O. A. *Traditsionnaya prazdnichnaya kul'tura: ponyatie i sushchnost'* // *Vestnik kul'tury i iskusstv*. 2014. № 2(38). S. 56 – 61.
15. Maklyuen M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniya cheloveka*. M. : Kuchkovo pole, 2011. 464 s.
16. Malenko S. *Polyusa Industrii vpechatlenii: ot uvlekatel'nogo dosuga k ideologeme «raschelovechivaniya»* // *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy*. 2023. № 1(2). S. 9-21.
17. Panova E. P., Manaeva A. I. *Rol' vizual'nogo obraza v plakatakh Velikoi otechestvennoi voyny 1941–1945 gg. (zhurnal «Krokodil»)* // *Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik kak istoriko-kul'turnyi fenomen: natsional'no-gosudarstvennoe stroitel'stvo : doklady 4-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya SSSR, Moskva, 20 dekabrya 2022 goda*. Moskva: federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Moskovskii politekhnicheskii universitet", 2022. S. 119-128.
18. Turkina V. G., Antonova E. L. *Massovaya kul'tura v ee sovremennykh fenomenakh* // *Nauka. Iskusstvo. Kul'tura*. 2019. № 12. S. 11-28.
19. Khludova E. N. *Osobennosti politicheskoi kul'tury uchastiya molodezhi v usloviyakh transformatsii sovremennogo rossiiskogo obshchestva: dis. ... kand. polit. nauk: 23.00.02 Tula, 2006* 172 s.
20. Khorkkhaimer M., Adorno T. *Kul'turnaya industriya. Prosveshchenie kak sposob obmana mass*. M.: Ad Marginem, 2016. 104 s.

21. Shatunova T. M. Sotsial'nyi smysl ontologii esteticheskogo (opyt opravdaniya krasotoi): monografiya. Kazan': Kazanskii gos. un-t, 2007. 154 s.

The role of social axiologization of consumption in the formation of the world outlook of modern man

Gurbanov Abdulla Gadzhievich

Postgraduate student, Department of Philosophy, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

414056, Russia, Astrakhan region, Astrakhan, Tatishcheva str., 20a, room 409

✉ stars678@rambler.ru

Abstract. The subject of the analysis is the socio-philosophical aspect of the axiologization of consumption, revealed in the works of domestic and foreign researchers of the last third of the XXth and first quarter of the XXIst centuries. The stages of axiologization of consumption, its driving forces and conceptual and categorical apparatus are considered in detail. The author provides an original definition of the human world outlook, showing the role of the values offered by modern consumer society in the evolution of this world. It is shown that many axiological guidelines of the beginning of the XXI century are: unrestrained consumption, selfishness, worship of the "golden calf", consolidating "anti-values" in the consumer's life world. At the same time, the author believes that in modern society, with proper social control and self-control, positive values of responsible consumption are also generated. The "new" values of the human life world were also analyzed, on the basis of which a conclusion was made about the incompleteness of the axiologization process to date. As result of incomplete transformations the consumer suffers a value crisis, and this social phenomenon has a total impact on the consumer's vital world. As a methodological basis, both general scientific methods and socio-cultural, socio-economic, socio-philosophical approaches were used to consider the "consumer society" and the specifics of human consumer behavior in it. The scientific novelty lies in the fact that this article attempts to clearly define terms such as "social axiologization" and "life world", as well as to trace the interaction of these terms within the framework of social and economic transformations taking place in the modern world. The highlighted factors of the formation of axiological guidelines of the consumer society and the consequences of its future dynamics allow us to take a more comprehensive look at the process of human immersion in the world of consumption, in which values and anti-values are mixed, complicated and begin to play a major role in the life of the consumer. It is important to conclude that mass culture and conveyor production, multiplied by the specific worldview of a modern person, irreversibly change the axiological structure of society, and a system of correctly placed axiological priorities that rationally combines classical values with new ones can help avoid the growth of destructive tendencies.

Keywords: responsible consumption, value crisis, consumption anti-values, consumption values, post-industrial society, individual consumption, axiologization of consumption, human life world, consumer society, one-dimensional man

References (transliterated)

1. Alpatova O.E. Izobilie i izbytochnost' kak fenomeny potrebleniya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. 2015. № 1-5. S. 1198-1201.
2. Imai M. Kaidzen: klyuch k uspekhu yaponskikh kompanii / Masaaki Imai; Per. s angl. 7-e izd. – M.: AL"PINA PABLIshER, 2014.

3. Khrapov S.A. Krizisnye tendentsii obshchestvennogo soznaniya sovremennoi Rossii. – Astrakhan': ID «Astrakhanskii universitet», 2009.
4. Markuze G. Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitogo industrial'nogo obshchestva / per. s angl. A.A. Yudina. M.: AST, 2003.
5. Khakhiashvili R.I. Obshchestvennoe soznanie v Rossii: aktual'nye trendy nachala XX veka: monografiya. – M.: MAKSS Press, 2007.
6. Pichurin I.I. Neobkhodim li neogranichennyi rost potrebleniya? URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/29826/1/978-5-321-02291-7_2013.pdf (data obrashcheniya: 06.01.2024).
7. Gorina V.V. Transformatsiya potrebleniya v sovremennom obshchestve // Kontentus. 2019. № S11. S. 195-203.
8. Melikyan M.A. Chelovek v obshchestve global'nogo potrebleniya. V poiskakh optimuma // Noosfernye issledovaniya. 2017. № 2 (18). S. 118-129.
9. Mel'nikova L.V. Razmery gorodov, effektivnost' i ekonomicheskii rost // EKO. Vserossiiskii ekonomicheskii zhurnal. 2017. № 7. S. 5-19.
10. Kobleva E.A. Ideologiya potrebleniya v dukhovnoi zhizni sovremennogo obshchestva // Manuskript. 2017. № 1 (75). S. 115-118.
11. Orishev A.B. Reklama v obshchestve potrebleniya // Biznes i dizain revyu. 2017. № 2. S. 6-7.
12. Badalyan K.A. Obshchestvo potrebleniya i sotsial'nyi kontrol' v sovremennom mire // Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2019. № 11-2. S. 139-141.
13. Tsymbal E.A. Dukhovnyi mir i identichnost' lichnosti v obshchestve potrebleniya // Filosofiya prava. 2017. № 4 (83). S. 56-62.
14. Khrenkov V.V. Obshchestvo potrebleniya kak obshchestvo otsutstviya schast'ya: sotsial'no-filosofskii analiz // Trudy BGTU. Seriya 6: Istoriya, filosofiya. 2017. № 1 (197). S. 126-129.
15. Radaev V.V. Sotsiologiya potrebleniya: osnovnye podkhody // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. № 1. S. 5-18.
16. Zarubina N.I. Den'gi kak sotsiokul'turnyi fenomen: predely funktsional'nosti // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2005. № 7. S. 13-21.

Antinomy of the modern transformation of man and society

Artemenkov Aleksey Aleksandrovich

PhD in Biology

Associate Professor; Department of Theoretical Foundations of Physical Culture, Sports and Health; Cherepovets State University

162600, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky ave., 10, office 304

✉ artemenckov.alexej@yandex.ru

Abstract. The purpose of the study is to characterize the main trends in the transformation of a person and society through an understanding of the changes taking place in it. The scientific novelty of the research lies in the fact that the author theoretically established the facts of changes in the life goals of a modern person and the predominance of his needs for self-improvement and self-development of his personality. It shows the change in all social aspects of human life: everyday life, culture, ways of communication, standards of beauty,

views on life and spiritual values. A separate emphasis is placed on changing the preferences of a modern person. People began to devote more time to their careers, financial well-being, and the family shifted to the background. The freedom of human action and the ability to "generate" new ideas has expanded, and therefore human thinking has become seen as a "product" that changes the world. Society has become more open, and the person in it has become more sociable and has changed mentally. The article expresses concern about the intensification of degradation processes in modern society due to the excess of information that has made a person more anxious, depressed and lonely. Whereas in physical terms, a person has become weaker due to a change in lifestyle from active to sedentary. Coziness, comfort and entertainment have become the most important for him. There was an ethical problem of changing human nature due to the transformation of the biological body. The overprotection of children has increased and their aggressiveness has increased. The idea of dividing society into two groups of people is expressed: active, promising and strong-willed and weak, purposeless personalities. As a result, a paradox has been revealed (the antinomy of modern transformational development), which consists in the fact that the better modern technologies and comfort are developed, the more inactive a person becomes.

Keywords: modernization, paradox, antinomy, being, social relationships, transformation, development trends, technologies, society, Human

References (transliterated)

1. Aznagugulova G.M. Tekhnogennye protsessy i tendentsii transformatsii gosudarstvenno-pravovoi identichnosti lichnosti // Zhurnal rossiiskogo prava. 2022. T. 26, № 3. S. 22–34.
2. Andreev A.L., Selivanov D.A. O transformatsii tekhniki, tekhnologii, sfer zhiznedeyatel'nosti obshchestva i soznaniya cheloveka, svyazannykh s tsifrovoy epokhoi // Filosofiya khozyaistva. 2021. № 5 (137). S. 230–249.
3. Artemenkov A.A. Nootsefalizatsiya sovremennogo cheloveka v usloviyakh tekhnogenno-gorodskoi sredy // Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2022. T. 22, № 4. C. 113–121.
4. Artemenkov A.A. Problema usovershenstvovaniya cheloveka v sovremenном obshchestve: chelovek i mashina // Manuskript. 2023. T. 16, Vypusk 3. S. 177–185.
5. Veryaskina V.P. Transformatsiya cheloveka v obshchestve riska: rol' sotsial'nykh i biomeditsinskikh tekhnologii // Vestnik gosudarstvennogo universiteta «Dubna». Seriya «Nauki o cheloveke i obshchestve». 2019. № 2. S. 6–18.
6. Voitsekhovich V.E., Skiba I.R. Transformatsiya cheloveka i obshchestva v epokhu informatsionnoi revolyutsii. Problemy i razmyshleniya // Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Filosofiya». 2018. № 4. S. 52–62.
7. Galaganova S.G., Kravets P.S. Sub'ektivnoe semanticheskoe prostranstvo cheloveka v usloviyakh tsifrovoy transformatsii obshchestva // Chelovecheskii kapital. 2022. № 10 (166). S. 159–172.
8. Gubanova M.A. Transformatsiya cheloveka v global'nom setevom obshchestve // Vestnik Armavirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2020. № 4. S. 103–109.
9. Kant I. Kritika chistogo razuma. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus. 2018. 768 s.
10. Krivonosova E.E., Rudkovskii E.I. Informatsionnoe obshchestvo i transformatsiya tsennostnykh izmenenii dukhovnogo mira cheloveka // Uchenye zapiski UO VGU imeni P.M. Masherova. 2019. T. 29. S. 77–82.

11. Lukasheva E.A. Transformatsionnye protsessy XXI veka: institutsional'nyi kontekst // Trudy instituta gosudarstva i prava RAN. 2018. T. 13, № 5. S. 9–39.
12. Mitrokhin V.A. Sotsium, informatsiya, tekhnika: problemy vzaimodeistviya // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2019. T. 8, № 4 (29). S. 364–366.
13. Nitsshe F. Po tu storonu dobra i zla. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus. 2018. 240 s.
14. Savikov Yu. Ob"ektivnaya osnova i sub"ektivnye osobennosti zhiznedeyatel'nosti cheloveka v usloviyakh setevoy transformatsii obshchestva // Vesti instituta predprinimatel'skoi deyatel'nosti. 2021. № 2 (25). S. 5–11.
15. Sytykh O.L. Chelovek v kontekste stanovleniya novykh sotsial'nykh otnoshenii // Gumanitarnyi vektor. 2016. T. 11, № 2. S. 17–22.
16. Tasueva S.I. Internet kak sredstvo dlya obshcheniya i ego natsional'nye sektory // Izvestiya Chechenskogo universiteta im. A.A. Kadyrova. 2023. № 1 (29). S. 64–69.
17. Fromm E. Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti. M.: Izdatel'stvo AST. 2018. 736 s.
18. Kharari Yu.N. Homo Deus. Kratkaya istoriya budushchego. M.: Sindbad. 2022. 496 s.
19. Tserkasevich L.V., Makarenko E.A. Razvitie vliyaniya tsifrovizatsii na kachestvo zhizni naseleniya // Nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal. 2020. № 4 (63). S. 68–78.
20. Yakushina O.I. Sovremennye tsifrovye sredstva kommunikatsii i ikh vliyanie na postroenie lichnykh otnoshenii // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. 2023. № 7. S. 97–106.
21. Yaspers K. Vlast' massy. V kn. Prizrak tolpy. M.: Rodina. 2021. 304 s.